

Рассказ о судьбе двух братьев.

Я — Успенский Георгий Михайлович, 1917 года рождения. Мой брат Успенский Владимир Михайлович, 1919 года рождения. Который, волею судьбы, воспитывался и вырос в Германии. Отец наш Успенский Михаил Михайлович, 1884 года рождения, из дворянского рода, окончил Высшее Московское военное училище, участник Первой Мировой войны, награжден почетным орденом Святого Владимира с мечами. В период революции 1917 года отец не захотел участвовать в братоубийственной бойне и в 1920 году с семьей водным транспортом выехал в Корею, а потом по железной дороге в Маньчжурию, в город Харбин.

В Харбине русских уже было много – строители КВЖД и обслуживающий персонал. Отец снял квартиру в районе Нахаловки, в частном доме. Так назывался этот район.

Мать, Александра — к сожалению и стыду моему, не помню отчества, ждала третьего ребенка и очень болела перед родами, у нее появилось сильное кровотечение, и во время родов она умерла. В 1923 году. За ней и младенец. Мы остались втроем. Отец бился, как белка в колесе – работал ночным сторожем, да еще ухитрялся разгружать ж.д. вагоны, благо жд тупик был рядом. Отец шел на все, чтобы обуить, одеть и прокормить нас. Другой раз сам не доедал. Но нас накормит. Потом он нашел постоянную работу и мы стали жить получше.

В 1926 году отец женился гражданским браком на приехавшей из Германии Эмилии Людвиговне Вейсмайер. Она очень полюбила нас с братом. В 1927 или 1928 году, не помню точно, она предложила уехать всем в Германию. Говоря, что там перспектив больше для жизни. Чтобы заладить там свои семейные дела — у нее там остались дочь и муж, она просила, что поеду вперед, а потом вас вызову. С условием, что Георгия и Владимира возьму с собой. А ты приедешь позже. Были куплены билеты. Я должен был с ней ехать. Но к счастью или несчастью я заболел корью. Меня пришлось оставить.

Она уехала с Владимиром. Таким образом, мы расстались. Во время переписки отец с ней не поладил и отец просил, чтобы брата с попутчиками прислать к нам в Харбин. Но Эмма Людвиговна отказывалась отдать Владимира. Тогда материн брат Переломов — адвокат уезжал во Францию из Харбина, отец просил забрать брата и с попутчиками отправить в Харбин. Но Эмилия Людвиговна категорически отказала отдать ему брата.

Тут в Германии назревал фашизм, появился Гитлер, с перепиской стало туго, но отец надеялся. После начала войны связь прекратилась и брата потеряли. Таким образом, Владимир оказался в Германии, получил там воспитание и высшее образование. Впоследствии ему пришлось увеличить год рождения — не 1919, а 1922. Это было сделано для того, чтобы оттянуть призыв в армию. Авось, мол, за это время кончится война. О дальнейшей судьбе брата расскажу ниже.

В 1929 году отец поступил на Китайскую Восточную железную дорогу на станцию Цицикар западной линии в качестве старшего телеграфиста. А телефонисткой была потомственная железнодорожница Мишанова Елизавета Дмитриевна. Впоследствии отец на ней женился. В скором времени переехали обратно в Харбин. Отец продолжал там же работать. Я поступил в реальное училище. Где сидел с Василием Федоровичем, моим другом. Время текло. Мы жили неплохо, отец зарабатывал неплохие деньги. Мать не работала. Так как отец был против, чтобы мать работала — воспитывала детей. Родился брат Александр.

После училища пришлось идти на работу, но специальностей никаких не

было, я стал работать по охране всякого рода имущества, был проводником по жд пассажирских поездов на рассекателях, охранял пассажиров от китайских бандитов. Останавливали пассажирские поезда, грабили и так далее.

В дальнейшем подходило время японской оккупации Маньчжурии, и они стали вербовать молодежь в Асановский отряд (по имени Асано). Гитлер готовился к войне с Советским Союзом, союзник Япония скапливала квантунские войска. И один из полковников Асано — по его имени отряд, туда вербовали русскую молодежь, вплоть и насильно. Спасались люди те, кто работал на государственной службе. Оттуда можно было идти только добровольно.

В 1937 году я женился на дочери железнодорожника Осминкина Андрея Александровича, бывшего царского офицера жд войск, специалиста по мостам и путям. Он работал мастером жд путей. Женился на его дочери Ирочке. В 1938 году родился сын Валентин, позже переехали на западную линию, на станцию Сарту Степная, постепенно обзавелись хозяйством молочным. Трава хорошая, кругом китайские деревни, привозили зерно, что нужно для скотины. Жили безбедно, материально не нуждались. Чтобы меня не преследовали в асановский отряд, где готовили диверсионные группы против СССР, я пошел работать паспортистом при полицейском (айгинском управлении). Должность безобидная, паспорта чуть ли не через каждые два года менялись, работа в этом отношении была. В 150 км от Харбина жили. Чтобы уехать кому-то в город за чем-то, нужна была виза, вот это была моя обязанность. Выписывать эти визы, регистрировать их в управлении и выдавать людям. И приезжие также приезжают на 10 дней, кончается срок и, если надо продлить, он обращается ко мне, я еду, продлеваю. На неделю или сколько ему надо дней. Такая была работа. Я был гарантирован, что меня в асановский отряд не возьмут.

Но когда в 1945 году наша доблестная советская армия освободила Маньчжурию от японцев, это случилось быстро, за неделю, я должен был ехать в Харбин. Но тут меня встречает начальник станции — был китаец, по-русски говорил прекрасно: ты в газете читал? — Нет. — КВЖД принимает на курсы — на начальников станции, на помощников, и путейцев — иди помощником поступай в управление КВЖД на курсы помощника начальника станции. И я заявку дам, тебя возьмут сюда, и ты при доме будешь, и мне хороший помощник. Я согласился, и мы с женой собрались и через 3-4 дня поехали в Харбин.

Остановились у знакомых. На следующий день пришел в управление КВЖД, прихожу в кадры. Сидит женщина, я подаю ей заявление на эти курсы — она говорит, о, хорошо. Но к начальнику зайдите — рядом кабинет. Я захожу — что вы думаете, сидит военный там. Он взял заявление мое — это было в 11-м часу утра. Говорит, о хорошо, вам придется немножко подождать. Мы наберем курсантов определенное количество, мы вас известим. Только на заявлении напишите адрес — где вы остановились. Я написал. В результате пошел домой к знакомым где мы остановились. Дело к обеду, приблизительно час дня. Стол накрыт — пельмешки там, конечно, только садиться — в это время звонок. За столом все. Хозяйка соскакивает, бежит. Открывает и я слышу мою фамилию. Здесь Успенский Георгий Михалыч проживает? Я соскакиваю, иду, в коридоре стоят два солдата с автоматами. Я говорю — вы ко мне, проходите. Они проходят в комнату. Я приглашаю их к столу. Они нет-нет, мы не будем кушать ничего. Я говорю — вы по какому вопросу? — Вас начальник вызывает, минут на 10-15... А я видел, по городу ходили так же с оружием. Два или один человек между ними — в гражданском. Слухи ходили — то, что забирают. Арестовывают. Я почувствовал, что это точно за мной — такая же картина. Мне было не до еды, говорю — раз на 10-15 минут — пошли. Успею еще пообедать.

Мы пошли, приходим в бывшее жандармское управление. Встретил меня офицер, говорит посидите немножко. Сижу, комната большая, наверное, с час сидел. Потом заходит, кнопку

нажал, заходит солдат. Возьми его туда. И меня вниз, посадили в одиночную камеру. Вот на этом мои курсы начались.

Это было 1 ноября 1945 года. В одиночной камере просидел с неделю, потом проходил медосмотр, потом вновь отвели в камеру, к вечеру посадили в камеру парня, который оказался “наседкой”. Он меня расспрашивал о моей жизни, и где я учился, где служил. В общем, чуть ли не всю биографию — без всякой задней мысли рассказывал. Через неделю вдруг заходит старшина и говорит — давай-ка напиши адрес, и что тебе нужно из одежды и тому подобное. Вас отправляют — сейчас переведу в другую камеру, там уже много людей — завтра, а может сегодня ночью на родину. Я написал письмо жене, чтобы она прислала то-то и то-то и в основном, деньги. Я ей оставлял теми деньгами приблизительно 10 тысяч рублей. Пришли мне их. После этого он отвел меня в общую камеру — а там уже было человек около 40 — большущая камера.

После этого по очереди нас вызывали и вручали все то, что каждый человек просил, чтобы их дома сделали передачу. Получив деньги и кое-какие вещицы, тепленькое просил, после этого на следующий день, к вечеру, когда стемнело, посадили на бортовую машину — их штуки три было, потому что в других камерах тоже люди были, впереди загородочка — два автоматчика, сопровождающие с шофером нас, сидят лицом к кабине. Везли ночью, чтобы никто не видел нас.

Привезли в тупик — там стоят вагоны-теплушки, а уже зимы, дымятся они. И по теплушкам стали нас распределять. А там слева деревянные решетки, двухэтажные нары, внизу и по середине перед крышей и с правой стороны, в углу буржуйка стоит. Два солдата вооруженные. И нас туда в эти клетки и запихали по 46 человек. Под утро прицепили нас, эшелон большой, длинный, слышно было, что всю ночь машины ходили, привозили людей. Голоса китайцев, японцев слышали. Утром раненько нас повезли. В сторону Читы, ехали примерно три дня, на каждой станции — большой, соберут, видимо, добавят людей, еще сажали. Пока доехали до границы, все время подсаживали людей.

Приехали в Читу, поместили нас в здание НКВД — там раньше клуб какой-то был видимо, зал большой. Нас русских заводят в этот зал, а там уже японцы и китайцы, корейцы. Здесь был человек 150 — коло 200. Пробыли там с неделю, наверное. Потом нас опять в эшелон и повезли в сторону Урала. Перед городом Верхотурье, км за 25, станция Выя, что ли, не помню, нас стали выгружать. Пустой лагерь, весь заснеженный. Выходим. Дали нам там лопаты — все это под охраной. Вычистили, заходим в свои бараки. Топим печки, заготовкой дров сразу же начали заниматься — здесь лесок небольшой был.

На кухню определили людей. В баню определили людей. Короче говоря, зажили мы здесь немного. Кормили здесь не плохо, потому что были трофейные продукты. Баранина, сало и масло. Всего этого было вдоволь, можно сказать. Здесь пробыли 20 с лишним дней как карантин, после этого нас пешочком — японцев впереди, потом корейцы, китайцы. А нас, русских, вели последними. Пройдя км 15 по левую сторону жд пути, навстречу идет колонна пленных немцев. Ой, как они плохо были одеты. Как раз ветерок, морозик. А они — обувь там, в чем попало. Одеты — не поймешь, в чем они идут. Все такие растрепанные. Вот так вот сделали им встречу на Урале военных японцев, идущих у нас впереди, а по ту сторону — немцы. Вот их состоялась давнишняя мечта — встретиться на Урале. С победой. А получилось — встретились с поражением.

Вот так мы дошли до города Верхотурья. Нас поместили в верхотурский лагпункт по баракам. Сразу же организовали столовую и баню, все внутреннее необходимое обслуживание. Лагпункт этот находился недалеко — видно было даже — около верхотурского монастыря. А

там наверху — большущий крест. Мы удивились, что до сих пор на куполе громадном стоит крест. Оказывается, нам потом рассказывали местные вольнонаемные мастера, что было решение снять этот крест, и вот как только кто ни залезет туда снимать его, как только ни приспособлялись к этому, раньше же таких башенных кранов не было, обязательно этот человек срывался и убивался о землю. Так было три или четыре случая и власти отступились, не стали. Так крест этот и остался.

Пожили мы здесь немного и стали нас распределять по лагпунктам. Меня и еще человек 800 отправили на лагпункт Буравлянка, который занимался лесозаготовками. Туда поведена была узкоколейная железная дорога. Среди наших ребят, которые были забраны на периферии в Маньчжурии, они с лесоповалом были знакомы, так как этой работой занимались там. Начальник лагпункта Журавлев вызвал их, знающих людей, мастеров и наказал организовать бригады лесоповальные и погрузочно-разгрузочные. На их усмотрение, но чтобы было все в ажуре. Ребята — специалисты, быстренько все организовали, было легко и непринужденно все трудились. Питались еще пока трофейными продуктами неплохо. А за перевыполнение плана привозили из кухни в обеденное время обед и большущие пироги — раздавали звеньям, которые больше выполнили. Отношение было неплохое.

Через некоторое время — месяца через полтора месяца, вдруг нас на работу не выводят. В чем дело? Построили буквой “П” и из конторы у начальника выходят высокопоставленные лица, среди них полковников-майоров — генерал, обращается к нам, благодарит за работу хорошую. Просит, чтобы темпы не сбавляли. Что сейчас органы разберутся с вами, петушки — к петушкам отделят, раковые шейки — к раковым шейкам. Кто будет не виновен, тому дадим квартиру. И дадим возможность выписаться из Маньчжурии свои семьи. Так что не беспокойтесь, власть разберется. Так было раза три.

Потом года через полтора, мы были без суда и следствия, нас опять собрали в городе Верхотурье, разместили по баракам. И приехали человек 50 следователей и стали вести допросы — днем и ночью даже вызывали. Не было узурпаторских отношений, не кричали ни на кого, не угрожали, просто беседовали, спрашивали биографию — где учился, где крестился и тому подобное. Меня лично следователь всего два раза вызвал и разговоры были не больше 15 минут. Биографию спрашивал, а потом между прочим — Ну, наверное, антисоветскую литературу читали много там? Делились ли с кем? — Да, делился, а как же читать и не поделиться своим мнением. — Вот видишь, значит, вред делали родине. Клевету еще больше распространяли... На таком уровне беседы кончались. И удивительно то, что слыша, как в других местах наши же ребята попадали — над ними издевались, следователи заставляли писать, что ему выгодно, что не делал никогда, ни слухом, ни духом не знал, но в силу необходимости, чтобы сохранить себя, люди были вынуждены подписывать эту клевету на себя. Продляли себе жизнь.

Когда следователи закончили свои дела, всех стали отправлять по разным лагпунктам. Меня направили, я уже болел цингой, у меня ноги были все в коростах — марганцовкой шпшилили, мазали, толку никакого не было, отправили нас несколько человек — наверное, 50, в «сочинский» полк — это главное управление этих всех лагерей Верхотурских. Там врач посмотрел меня, оставил — я остался один из маньчжурцев и начал лечить мне ноги. Какой-то мазью, и у меня быстренько в течение двух недель это все прошло. Я стал хорошо ходить и меня на этап. Там собрали уголовников — наших ребят уже не было, я один. И отправили пешочком в Лозевский лагпункт, а это 250 км. 50 км пройдем — на лагпункте остановка. Вот та шли дней пять или шесть. Да еще болотное такое место. Деревянная широкая лежневка на массивных брусках, шпалы — толстые деревья были проложены. Через некоторое расстояние разъезды — то есть, встречная машина попадает. Она прямая — видно далеко, машины разъезжаются. Так вот нас гнали.

Прибыли в Лозево (?). А там тоже лесозаготовки, погрузка леса на лесовозы. А зимой тоже лесовозы, а потом плотили плоты на реке Лозьеве. Для летнего сплава. Я на складе был приемщиком. Меня поставили по благу — оказались маньчжурцы при конторе. Через некоторое время вызывают в спецчасть, дают бумагу, говорят, распишись. Я говорю — а что там написано-то? Ну вот читай — обвинительное заключение ОСО: Ты обвиняешься по ст.58 п.6,10,11, - Я говорю — мне это непонятно. И срок тебе — 20 лет. За что? Пункт 6 — шпионаж, пункт 10 и 11 — агитация, пропаганда против СССР. — Я невиновен. Никаким шпионом я не был. Не буду подписывать. Не будешь, тогда напишем, что от подписи отказался. Так и не подписал этот документ.

Через неделю приблизительно, видимо, начальство боялись большие срока, или кто-нибудь из стукачей чего, потому что мне потом сказали, когда оформляли в БУР — барак усиленного режима — ты собирался в побег, вот тебе три месяца. Посадили. А там уголовники. Авторитеты. На работу водили — там тоже воры. Два-три вагона погрузят, и недогрузят. Но 20 лет за плечами таскать — у меня настроение было ужасное. То обещали, что жену можно будет выписать, квартиру, работу — а тут 20 лет. И мне было не до смеху. Я понурил голову. И тут как-то получилось, что нашел стеклышко, и хотел себе жилу на левой руке перерезать чтобы рука болталась и на работу не водили. Пилили-пилил — ничего не получилось — кровища, вену задел. Уголовники — ты чего делаешь, вызвали врача, пришел — вольнонаемный, перебинтовал всю руку — согнул на привязи. Правда, освобождение дали, не гоняли. Рука стала заживать. Потом когда зарубцевалось все, я не мог левую руку разогнуть. Она не разгибалась и все. Через некоторое время приходит из санчасти человек другой — присмотрелись друг на друга — бог ты мой, Николай Александрович. А ты чего успешный тут наделал? А это Николай Александрович Протопопов — бывший мой классный наставник из реального училища. Его тоже загребли ни за что ни про что. И он правда впоследствии в лагере скончался. Вот он начал лечить руку, говорит — давай делай гимнастику, иначе она у тебя на всю жизнь согнутая останется. Я начал делать гимнастику. Он меня начал воспитывать, перевоспитывать: Не дури, а борись за жизнь.

Воры в законе относились ко мне не плохо, подзывают и спрашивают, как там у вас в Маньчжурии, в Харбине. Расскажи, как там — воры-то есть, наши ребята? Я говорю — а как же. Где их нету, везде есть. Ну расскажи чего-нибудь, я как мог фантазировал. Они уши развесят и слушают. Я вспомню в газете какое преступление — описываю... да еще прибавлю от себя чего-нибудь. Вот они мне и курево давали, и подкармливали, и учили, как жить в лагере надо. Будешь с начальством жить, значит тебе не жить. А будешь с нами, с такими, выживешь. И не бойся 20 лет этих. Короче, научили уму-разуму. Как надо жить на белом свете.

Так продолжалась моя жизнь, 3 месяца прошло, на два дня выпустили, потом опять посадили. Таким образом, пробыл там еще с год и просидел все время в БУРе.

В 1948 году примерно, меня и еще часть людей отправили в Верхотуринский опять лагерь, определили меня на работу в ДОК, где заготавливали шпалы, с напарником Коля Иванов, тоже маньчжурец, мы на вагонетках грузили готовые шпалы, отвозили метров на 400-500 и распределяли по эстакадам. Такая работа была. Погрузить полста штук шпал и разгрузить обратно на эстакаду. Толкая вагонетку. Пешочком конечно, без всякого механизма. Мы здорово уставали. Проценты мы зарабатывали хорошие. Но их у нас отбирали. Отбирали кому — тем, кто не работал. И мы быстренько с этим Николаем превратились в доходяг. Потом определили меня в санчасть, как ВК — выздоравливающую команду. Подкармливали там. Но это продолжалось недолго. Через некоторое время, находясь при санчасти, я случайно встретил человека, бывшего КВЖД-ка, у него оставалось два месяца сроку — его

расконвоировали, он был специалист какой-то, был, работал за зоной, он харбинец был. Я ему понравился и он начал учить меня жить, говорил мне тоже, что и в Лозьве воры: «Если будешь жить с начальством, с оперуполномоченным режимом и надзором — в дружбе, ты не выживешь. 20 лет — это немаленький срок. Не будешь с ними связываться, тебе всегда со стороны помогут, в беде. Но только заметят, что с ними контактишь — тебе не жить».

В конечном итоге, я следовал его советам. Потому и выжил. В дружбе с лагерной администрацией никогда не был, сидел постоянно по БУРах, ЗУРах, ШИЗО, штрафных лагерях — отправляли. Поэтому отношение ко мне всяких авторитетов было хорошим. И даже сидя в БУРе в Верхотурье, назначили меня бригадиром, там бригадире сняли того, заподозрили его в нечистоплотности, чуть не убили, узнав, что он снюхался с начальством. Его надзорсостав спрятал, отправили куда-то. Меня поставили бригадиром — с полгода бригадирствовал, в конце 48-го.

Потом собрали всех маньчжурцев и отправили нас в Озерлаг, это Братский район Иркутской области. Сначала в Братск, там был лагпункт 042, вот мы там работали в бригадах, я был бригадиром. Там был БУР, но он был пустой. Майор Вяткин — уполномоченный, хороший мужик был, был против БУРов. Относился неплохо, но и к нему относились по-человечески. Но все-таки среди наших ребят были такие, которые были недовольны этим режимом — тут не только маньчжурцы были, но и советские граждане. И на 042 был полковник — участник войны, посадили мужика, и еще одного маньчжурца, который был на японке женат — получилось так, что они организовывали побег. Я был в курсе дела. Очень мало было в курсе. Подготавливались они тщательно, собирали им сахар, сушили — отрезали от своей пайки сухари. И в один прекрасный день, должен был состояться этот побег. А каким образом — у нас столовая была посередине лагпункта. За столовой был подвал овощной — там хранилась капуста, картошка, овощи. Вот в один прекрасный день, они дождались машину, которая привозила овощи, а с машиной всегда приезжал надзиратель, шофер, ребята, которые собирались бежать, пришли разгружать эту машину — короче говоря, разгрузили и надзирателя с шофером — закрыли в этот подвал — он глухой такой — ничего не услышишь. Садится полковник за руль. Ребята. Кто разгружал, в кузов ложатся, и полковник едет на вахту и таранит шлагбаум с воротами. Вылетает за зону. Там кто успел, выскакивает из машины — а с вышек пошла стрельба из автомата, из пулемета. На месте человека три уложили. Остальные в побег, разбежались в разные стороны. Полковник этот куда-то — в разные стороны разбежались. Тревога. В погоню сразу. В живых никогда — солдаты побегушников не приводили. Обязательно убьют. Тело приносили напоказ. Вот так случился этот...

Среди нас были два маньчжурца — Шароглазов и Семенов Петро. Племянник атамана Семенова. Они оба тоже в побеге. Закончилась стрельба — здесь три трупа. Жара. Около вахты их бросили. А потом еще двоих привезли — два трупа. Пять человек. Утречком развод, бригады на работу идут мимо этих трупов, видят, и возвращаются — они все равно лежат. Дня через четыре... а может быть через неделю привозят наших ребят. Шароглазова и Петра Семенова. Садят их сразу в изолятор. Утром на развод их выводят в наручниках. Руки назад, полуголых, в одних трусах. Мошка, жара, кусают их. Они, бедняги, потные стоят. Бригады проходят на работу мимо. А их заставляли кричать «Мы беглецы, Мы беглецы, Мы беглецы». И так пока все бригады не пройдут, они бедняги стояли, укушенные мошкой. Кровь течет, лица, тело пухнет от укусов. И так их мучили каждый день.

Кроме этого сажали в изолятор. А в изолятор заходит здоровый надзиратель, и допустим, вызывает Шароглазова наружу. И спрашивает его — Ты, Шароглазов, наверное, женат? — Да, женат — Ах ты, женат? И начинает его лупить, а он же в наручниках. И лупит его чем попало. - Ах, гражданин начальник, у меня и дети есть... - Ах и дети есть... и еще пуще

отпускает его. Вызывает Семенова. Тот же самый вопрос. Тот же самый вопрос — он бедняга, не знает, что отвечать. - Женат? - Нет, нет... - Ах, нее женат... И опять продолжаются побои. Таким образом издевались они над беднягами.

Счастье их, что они живыми остались, что их поймала другая охрана. Когда они по какой-то просеке километров уже км уже за 50-60 отсюда были. Другая охрана не убивала — а привозила на место побега живыми.

Проходит какой-то период времени,, их отпускают на общую зону, все их оберегают, жалеют, стараются им лишнее из пищи дать, поправлять их. Зачислили их в бригаду. Они остались молодцами до конца пребывания в Гулаговских лагерях. Остались живы — один после освобождения в Братске — Семенов, а Шароглазов на Дальний Восток на станцию Артем. А Семенов недавно умер, скончался. Вот такая история из жизни 042 Озерлагпункта.

На 042 были разные бригады. Одна была «особенная», там были уже установлены еще до нас 7 или 8 быков через Ангару. И вот надо было пролеты уложить, и рельсы закончить установку. Этой работой занимался, бригадиром был маньчжурец Павел Чашин. Он подобрал себе хороших ребят. В том числе взял и Шароглазова и Петра Семенова, и они ставили там опоры, прогоны — все то, что необходимо для восстановления моста. Когда было все готово, и ожидался приезд большого начальства — а большое начальство — занимался этой трассой от Тайшета и до Лены такой генерал Гвоздевский, и вот во время открытия этого моста, пропуск первого поезда, он с элитой прибыл туда. Перед этим бригаду Чашина в количестве 60 или 65 человек срочно вызвали и переодели в новенькое обмундирование — такого мы не видели. Серенькое, с золотыми пуговками, да и не похожее на зековское. И вот они вышли на мост туда с инструментом — вроде крепят что-то там с боков. В это время подъезжает Гвоздевский на спецпоезде в спецвагоне в белом кителе, разрезает ленту, фотографирует все — журналисты и так далее. Приемка закончилась, и эту спецодежду обратно у них отобрали, когда вернулись. Через некоторое время была публикация в газете, где снимки о том, что вот комсомольская стройка прошла успешно — комсомольцы выполнили свой долг перед родиной. Пустили первый поезд. Построили вовремя и добротнo. А строили-то и быки и пролеты чашинская бригада — это бедняги зеки, наш брат.

После этого лагпункт этот стал закрываться. Здесь решили открыть больницу большую. А нас всех решили отправить по лагпунктам. Кто попал на 022-ю, кто на 013 — где знаменитый был, правда, нехорошо — еврейской национальности, был большим узурпатором — майор Этлин. И сын его Борис Этлин был начальником КВЧ — культурно-воспитательной части. Туда люди попали, на 050 — на Вихоревке же. В 405 — дальний участок, в 403, 404-ю. 011-ю, 016-ю — штрафной лагпункт был. И так распределили всех нас. Я сначала попал на 013-ю. Оттуда попал на 050-ю. Где не выходил из БУРа. Потом на 011 — там тоже у БУРе был, и там меня чуть не хлопнули. Один из капитанов охраны. Получилось так. Сидя в БУРе, нас выводили на работу позже всех, в наручниках. Правда, почему-то надевали спереди наручники. И вот случилось так, что мой друг по БУРу, испанец Антон Моралес, действительно был с температурой, и врач его, вольнонаемный, лейтенант старший, дал ему освобождение. Нас на вахте посчитали, и докладывает надзиратель, все, один на больничный, освобожденный с температурой. Капитан как закричит на них — никаких больничных. Ведите его сюда. Он испанец был такой — самолюбивый и принципиальный. И он не шел. Когда пошли два надзирателя за ним, они его тащили волоком. По земле, заковали в наручники. А я как раз сзади был. Не вытерпел — выскочил, руки-то в наручниках впереди — одному надзирателю, направо, налево. Ну здесь подбежали другие — меня схватили. И в строй. И этого Моралеса. Ребята нас сразу в середину. А капитан выхватил пистолет — за малейшего, говорит, этого Успенского и испанца стрелять — хоть в зоне, хоть где. И нас повели. Ребята держат нас в середине. Так, чтобы конвой нас не достал. Привели на объект, а

там траншеи глубокие рыли под водопровод. Ребята нас посадили в траншею, наручники надзиратель снял. И мы оттуда не вылазили. Когда вечером идем — этот капитан опять, особенно мне кричит: ну гад, я тебя все равно пристрелю, так и знай. Привели в БУР. Зашли. Ужин принесли. Я думаю, что же делать. Действительно богу душу отдашь ни за что. И вот у меня мысль такая. Были у нас наподобие ручки — короче говоря, шприц изготовил из него. Иголка была — с санчасти сперли на всякий случай. Что делали — я слышал об этой мастырке. Запускаю себе в руку в запястье — наколол и нажал туда слюну. И что думаете, к утру у меня температура — 40. Рука не болит. Думал, толь ко температурой отделаюсь. А нет. Врач пришел. Освобождение мне дал. Мне и испанцу Моралесу. Ну больше за нами никто не приходил на работу. А рука к вечеру начала пухнуть. Через два дня вообще до локтя дошло. Вроде бы нарывает, а боли никакой не чувствую абсолютно. И вот этот вольнонаемный приходит с нашим зековским врачом, наш говорит — надо его отправить на 042, там же сейчас больница, наверное, операцию надо делать, а он говорит — ничего, не сдохнет. А сдохнет — туда ему и дорога. На следующий день его отправляют в командировку — вольнонаемного этого. Наш хлопочет перед начальством — короче, меня грузят в столыпинский вагон, меня отправляют на 042 в больницу. По дороге — а та в столыпинском камеры, разные люди едут = и уголовники, а в середине коридорчик, охрана. И у меня забинтованная рука, и лопнул у меня нарыв-то этот. В том месте, где я делал укол. И такой запах — как с туалета пошел. Вроде бы как обделался я. Охрана забегала — что такое что с кем случилось. Там рядом сидящие кричат — вонь такая, прямо невозможная. Задышаться стали — они уже там и дверь открыли, окно открыли — а ехать-то надо два часа с лишним. Кое-как доехали, скорее меня вывели, самого первого. Чтобы избавиться. А у меня уже повязка вся намокла. Вонь — ужас, даже на улице. Противно рядом стоящие отворачивались. В больницу привели, там встречает хирург нерусский. Дай бог ему здоровья — армянин или грузин. Он осматривает меня — если хочешь с рукой остаться, говори, что ты сделал. Обыкновенно не говорят. Но я, говорит, гарантирую тебе — я должен знать, как врач. От чего лечить и как. Я ему сказал, как сделал. Он сразу дает команду — на операционный стол — восемь надрезов сделал, под наркозом. Вычищал — там эта вонь, черт его знает. Так я чуть не остался без руки — спасибо ему, он мне ее вылечил

Таким образом приходилось спасать свою жизнь. Впоследствии как говорили мне уголовники и квждинец — один день кантовки — год жизни. Раз уж начал я членовредительство — оно у нас называлось просто мастырка, я что делал — сначала на одной ноге возьму порцию сахару, которую дают — 20 граммов, в ложке ее растоплю горячий и прямо на ногу повыше пальцев — раз. Она только обожжет ненадолго, и застынет. Ее отрываешь, и как конфетку в рот. А потом что делаешь, в честь освобождения она распухает, гноиться начинает — что сделал? Ну вот начальство знало, что из сахара леденцы делали — я вот нечаянно опрокинул. Освобождение. А чтобы продлить освобождение — порцию масла растительного получаешь, в кашу или куда — собрал его, и опять ранку подмазал — и она подкармливается, и еще смотришь, месяца полтора и просидел. Второй раз такую же мастырку на этом же лагпункте нельзя делать. Потому что они могли и заподозрить. Поехал на другой лагпункт — я там то же самое повторил. На другой ноге. И обходилось — так месяца полтора, а то и два просидишь на карантинном пайке. И то уже легче.

В лагерной системе прожить очень сложно, нужна обязательно быстрая реакция на всякую мелочь, невзначай случай от начальства или от самих же заключенных. И эта реакция должна быть правильной. Обдуманной. А думать некогда. Иначе удачи не видать. Потому что среди нас были люди разных сортов. И пусть на меня не обижается лагерная обслуга — бухгалтерия, санчасть, баня, дневальные были — у нас они шли под кличкой «лагерные придурки». В большинстве случаев на какую-то лагерную должность. Чтобы на общие работы не ходить — это ставленники оперуполномоченных, начальника режима, старшего надзирателя. Кто им там фискалит, стучит. Вот такие люди не ходили на общие работы.

Числились у нас как лагерные придурки. Мы с такими людьми старались не общаться. В особенности, с нарядчиком, комендантом, пожарником, заведующим их числа заключенных пекарней. С довольствием. И так далее — большинство из них — ставленники. Чтобы фискалили — в особенности за теми, кто по БУРах сидят. Если кто из БУРовцев бригадиром стал — то уже все. Значит, вещдоловствие у него на руках — попробуй там бухгалтер не выписать то, что надо бригаде. И подразумевали, что бригадир найдет выход, облегчит труд. Если здесь, допустим, нужно копать тупик какой-то, по-настоящему если 300 кубов надо вывести тачками или чем-то еще, то бригадир сделает с вольнонаемным так, чтобы было не 300, а 1300 — и поэтому люди работают спустя рукава. Как только начальство показывается, тут бригада бегом должна бегать с тачками. А вместо 300 кубов зафиксировано 1000, можно выходить и на проценты хорошие, и на пайки. 1,1 кг да три каши. Этого вполне достаточно. Тем более, что работа была вразвалку. Вот таких людей придурки боялись. Всегда в случае чего находили доводы, чтобы избавиться от нашего брата. Но начальство, пока стройка не закончится необходимая, они такого бригадира терпели. Это одно. Второе — высокий процент — это руководству лагеря тоже что-то давало перед высшим начальством. А как только закончится стройка, нашего брата опять по БУРах рассылали.

Вольнонаемному что надо? Они в то время, вольные, жили очень плохо. Чтобы одеться — ведь ходили все в ватниках — ватные брюки, ватная телогрейка, валенки. Все это надо было, а бригадир такой — он все это доставал. Умел вынести из зоны, спрятать где-то. Договориться — что там и там будет лежать. Бригада снимается уходит, вольнонаемный приходит забирает — и все в ажуре.

И вот когда находишься не в БУРе, а где-то выпустили в зону, на пару-три дня, на неделю, после работы сидишь, вокруг тебя бригадники, вдруг появляется начальник режима с надзирателями, все соскакивают овечки и здороваются. А мы, наш брат сидит. Начальник режима подходит, начинает кричать — а вы что сидите? Не встаете, когда начальство перед вами. Отвечаешь ему — а ты откуда свалился — мы что тебе, подчиненные, что ли? С надзорсостава или солдаты мы, что ли, вставать перед тобой смиренно. Вот и стой передо мной, как лист перед травой. Он дает сразу команду — за грубость начальству отвести их в БУР. Постановление на три месяца получите у меня на них. Этим самым наш брат среди овечек вот этих вот послушных всех завоевывали авторитет. А еще — то, что мы не подчинялись ни коменданту, ни нарядчику, никому. Могли всегда дать им отбой. Все об этом окружающие знали. Поэтому нас уважали. Тяжеловато было, конечно, а что сделает. Такая наша участь. Лучше быть в БУРе, чем овечкой, преклоня голову при всяком случае. Этим самым может мы и выживали. Большинство буровцев остались в живых. А кто подчинялся и кого гоняли полуголодных издевались над ними — тех уже нету. Недаром 40 млн погибло за колючей проволокой. Из-за таких вот руководителей сталинско-бериевских.

Через некоторое время отправили на штрафной лагпункт 016-й. Там нас приняли неплохо. Люди были разношерстные нас прибыло туда человек 8. Там был БУР, но он пустовал, никого. Начальником был майор Ефремов. После войны военных распределяли — кого куда. И вот он попал начальником лагеря штрафного — встретился с врагами народа. Но вы знаете, он, видимо, понимал все — очень был хороший человек. БУР у него пустовал — раз, охрана была им, что ли воспитана. Никогда не грубила — всегда вежливо с нашим братом обращалась. Меня поставили сразу бригадиром каменного карьера. Там были еще лесники — лесоповал. Некоторые ребята наши пошли бригадиром туда. И было очень неплохо. Нормировщиком была женщина — Нина Комбарова. Экономист-нормировщик. Удивительно то, что, отдам ей предпочтение — что в каменном карьере при 70% взрыве — а там скалистая гора, ее надо было — камень заготавливать — взрывать, она делала норму заготовки камня — 0,9 куба. Это же мизерная норма была. И вот люди, находясь у меня в бригаде 33 их было 120 человек, карьер длинный. Взрывник придет, мы заранее ему — по его указаниям

пробури́м, отве́рстия сде́лаем, он за́ложит взры́вчатку, взорве́т, захо́дим туда — бо́г ты мой, ка́мней полно́, ужа́с, и здо́ровые ка́мушки, здо́рову́щие — их на́до было́ кува́лдой, спе́циальное́ с ручко́й вроде́ зубило́, о́дин де́ржит — ма́ленькая тре́щина е́сли где́ е́сть, де́ржит в э́той тре́щине зу́било, а ты ко́лотишь по э́тому зу́билу и ка́мень раска́лывается. Но́ потом я до́думал ка́к бригади́р — что́ на́до сде́лать. До́говорился́ с э́тим взры́внико́м — ко́нечно́, за что́-то — что́ ему́ там на́до было́ из оде́жды, ва́ленок или́ ботино́к, все́ это́ уме́л я о́рганизова́ть в о́пределе́нном ме́сте. Он что́ де́лал, вот э́ти бо́льшие ува́лы — он на́кладыва́л туда́ на́кладыва́л туда́ на́кладное́ взры́вное, взорве́т э́ти здо́рову́щие ка́мни, что́бы их кува́лдой не́ ко́лотить, ребя́там не́ мучи́ться, и они́ раска́лываются. На́ше де́ло было́ — скла́дирова́ть э́тот ка́мень в кубо́метры — у ко́го 5 кубо́в, у ко́го 10. сме́трян ско́лько в э́том райо́не ка́мня. А́ потом под ко́неч при́гоняли́ верту́шку, пла́тформы, и пе́ред съемо́м там, за ка́кие-то́ полто́ра-два́ ча́са мы заки́дывали́ э́ти пла́тформы и о́тправля́ли куда́ ну́жно. А́ там ну́жно было́ и ка́менные бе́рмы — по́тому что́ река́ кру́тая, на́до было́ бере́га укре́плять. Бере́га но́вые, пу́ть о́т Тайше́та до́ Братска́ — но́вый. И́ что́бы бере́га не́ размыва́ло, обкла́дывали́ бере́га ка́менными́ бе́рмами. При́ходилось э́то́ де́лать на́шей брига́де — ко́торая на́ходилась́ не́дале́ко о́т уча́стка э́того́. Та́к труди́лись.

Получа́ли вы́ше пайки́. Три́ ка́ши и кило́ сто́ хлеба́. На́ каждо́го. Ко́рмили бо́льшую́ ча́сть. Все́гда ка́шей о́всяно́к. Ну́ и суп́ был не́плохо́й. Но́ при́гоняли́ туда́ брига́ду с ле́сопова́ла — до́ходяг та́ких. При́гонят — по́работа́ют ме́сяца́ че́тыре. У́правятся́, ко́миссия́ при́ходит, и о́братно́ на ле́сопова́л дру́гих при́сылае́т. Та́к вот мы́ ко́рмили э́тих лю́дей. Бы́л та́кой пе́рекладно́й пе́ревалочно́й ла́гпункт, штра́фной — но́ в нем́ было́ лу́чше, че́м в те́х зона́х, где́ я бы́л до́ и по́сле. Э́тот ма́йор Ефре́мов бы́л о́бходите́льный, ве́жливый о́чень. Чу́ствовалось́, что́ он жа́лел лю́дей. В ме́дча́сти бы́ла же́нщина, а́ муж у́ нее́ бы́л нача́льник КВЧ́ Ерко́лаев. Забы́л е́е и́мя-оте́чество, они́ на́ Вихоре́вке се́йчас жи́вут, оста́лись. То́же о́тноше́ние бы́ло́ заме́чательное́. Вот́ я ви́жу, что́ кто́-то́ из брига́дников́ пло́хо се́бя чу́ствует, тя́жело́ ему́, на́до ему́ не́много́ о́тдохну́ть, по́дпра́виться. И́ду к э́той ме́дичке́ — она́ во́льнонае́мная́ бы́ла — го́ворю, та́к и та́к, па́ру ребя́т до́ходяги́ — на́до было́ бы́ оста́вить. Да́вай го́ворит сю́да — да́ет им о́свобожде́ние, они́ с по́лме́сяца о́тдыха́ют. Я́ им оста́тки на́ кухне́ все́й мое́й брига́ды — по́дкармли́ваешь. Сме́тришь, па́ру неде́ль и они́ по́дпра́вились.

Го́да полто́ра пробы́л там. По́том ме́ня то́ ли сту́качи, что́бы не́ сжи́ваться с нача́льство́м, о́тправи́ли о́пять сна́чала на́ 013, по́том на́ 050. Где́ из БУ́Ра, что́ там, что́ там не́ выхо́дил.

На́ 050 ме́ня встре́тили не́дружелю́бно, ка́к на́рядчик с ко́менданто́м, та́к и ла́герное́ нача́льство, и́ сходу́ поса́дили в БУ́Р. Там́ я про́сидел сто́лько, ско́лько бы́л на́ 050—м ла́гпункте́. Вы́водили́ нас на́ работу́, ино́гда пра́мо в га́рнизон, та́к ка́к нача́льству га́рнизонно́му на́до было́ пи́лить дро́ва для́ ото́пления. Со́ мной ка́к все́гда испа́нец, Анто́н Мо́ралес. Вот́ нас вы́водят, бу́ровцев, са́димся пи́лить. Не́которые́ че́стно пи́лят, а́ мы с́ ним на́дпи́лим о́дно бре́внышко́, пе́рево́рачивае́м пи́лу и вре́де пи́лим, что́бы ко́нвоей со́ сторо́ны ви́дел, что́ мы́ качае́мся, а́ на са́мом де́ле не́ пи́лим ни́чего. По́том в́друг по́является́ ка́питан из о́храны́ и нача́нет шу́меть во́ весь го́лос: «А́х вы́, вра́ги наро́да, вы́ узнае́те, что́ та́кое со́ветская́ вла́сть! Мы́ вас за́ставим уз́нать, что́ из се́бя предстáвляет! Вот́ та́к и тру́дитесь». И́ э́того ка́питана́ не́ оказа́лось че́рез не́которое́ вре́мя. До́ нас до́ходят слу́хи, что́ кто́-то́ из ко́нвоей слы́шал э́ти сло́ва, иска́зил их и пе́реда́л в НКВД́ или́ куда́, и э́того бе́дненько́го ка́питана́ аре́стовали́. Та́к вот́ и он́ то́же ста́л вра́гом наро́да.

Че́рез не́которое́ вре́мя нас о́тправи́ли на́ работу́ — вы́водили́ нас в ра́боту в на́ручника́х — на́ узко́колейно́ую ж/д, где́ она́ про́водилась́ в сто́рону да́льного ле́соуча́стка: 405—го́, 403—го́, и 404—го́. До́рогу э́ту на́до было́ о́формля́ть, пе́ред те́м ка́к про́кладыва́ть пу́ти, на́до было́ ко́рчевать́ пни́. Че́м мы́ и за́нимались́. Че́рез ка́кой-то́ пе́риод вре́мени при́ходит э́тап, и́ нам

подбрасывают одного парня, симпатичного такого. Вечером его привезли, утром на работу — полностью с ним не поговорили. Не узнали, кто он и что он — почему его узурпировали. Утром его вместе с нами пошел на работу. Приходим на работу, расположились. Приготовили инструмент — пилы, топоры, и вдруг этот парень берет топор, подходит к пеньку, ставит ногу и отрубает себе полступни. Мы все в ужасе. Кровища кругом, паника. Начальник конвоя зашумел: Ложись! Я на него: «Какой ложись, перевязывать надо человека». Срываю с себя рубашку ее, нижнюю, ребята тоже, перетягиваем ногу, чтобы остановить кровотечение. Начальник конвоя бесится, бушует: «Лежите гады!». Я его начинаю уговаривать, чтобы унести человека в зону, человек истекает кровью, потом же тебе за это отвечать, наверное. Начальник согласился, мы быстренько сварганили носилки, положили и понесли до зоны. Принесли. В санчасти ему сделали перевязку, но он истекал все равно кровью, хоть и перевязанный. В больницу надо было срочно отправлять — ни машин, ничего нету. А больница была за ж/д вокзалом. 052-я. Наконец утром появилась машина, и его срочно отправили на 052-ю. Проходит некоторое время, и мы узнаем, что парень этот в больнице скончался. Вот такая несуразная судьба у человека. Впоследствии мы через надзорсостав узнали, что он приехал с Воркуты, привезли его со сроком 25 лет. И пять лет лишения права. Вот не ожидал видимо человек своей такой кончины. У каждого своя судьба.

Впоследствии нашу бригаду поставили на погрузку песка на песчаный карьер. На песчаном карьере мы работали уже в большем количестве. Из зоны добавили в БУР в другую камеру еще людей. Собралось нас человек 40. Меня поставили бригадиром. Грузили песок и отправляли по УКЖД на отсыпку — узкоколейная жд. Как-то вечером после работы к нам в БУР приводят опять человека — симпатичного такого. Забился он бедняга в угол, ни с кем не разговаривает. На следующий день только кое-как его расшевелили — откуда ты? - Я из Свердловска. - Что натворил? - Да ничего не натворил. Дурак, что со своей семьей поддался на уговоры посольства советского и их агентов в Шанхае городе я жил, Китай, работал инженером высшей категории по электрооборудованию. Меня распропагандировали — что родине такие люди нужны, что там ничего подобного нет, и вы нам такие нужны. Я поддался на эту удочку. Заключил договор с ними и выехал в советский союз. Меня привезли в Свердловск. Там был почтовый ящик. Меня устроили туда главным инженером по электрооборудованию. Работал не покладая рук. Был отдельный кабинет. Через полгода предложили — вы занимаете такую должность, такая должна быть у партийного человека. Мы вас здесь уже посмотрели, дадим рекомендацию. Месяца через два я стал коммунистом. Еще месяца через 3 или 4, ко мне в кабинет входит мужчина в гражданском, стал со мной беседовать — что вот вы прибыли из Шанхая, как там, чего там, каким образом оказались здесь. Я, мол, работаю в следственных органах НКВД, нас интересует как там в Шанхае. Я, говорит, без всякой задней мысли рассказываю. Поверил всему, что там говорили. И решил выехать с семьей. Жена работала в детском садике, я на заводе. Двое детишек у нас — мальчик и девочка. Потом он пригласил меня проехаться с ним в управление. Там кое-какие данные дополнить к тому, что вы рассказали. Приехали с ним. В конечном итоге, очутился здесь. А что с женой, что с ребятами — я не знаю. Поэтому мне ни до чего. Не интересно. Мне не хочется даже и жить. И действительно он вел себя странно очень. Был молчаливым. Больше ни с кем не разговаривал, мало кушал, отказывался от пищи. Мы его насильно даже заставляли кушать. На работу его выводили с нами в песчаный карьер. Я ему работы не давал. Говорю — так, чтобы конвой тебя не видел, ты под вагонкой сиди. И вот так вот каждый день. Мы его опекали, за ним очень следили. А в один прекрасный день случилось так. Песчаный карьер был на отшибе. От сопки, где гора была, он огражден был с левой стороны колючей проволокой в 4-5 рядов. За проволокой была широкая поляна, идущая к реке — небольшая речка протекала Вихоревка. Вот в один прекрасный момент, грузим платформы песком, вдруг подъезжает паровозик, выскакивает прораб вольный. И ко мне — давайте, давайте быстрее, там люди ждут. Мы с бригадой все увлеклись и забыли про нашего шанхайца — такую кличку ему дали. Мы ничего не заметили, только услышали выстрел в воздух. И крик —

вернись назад. Оказывается, он из-под вагона вышел — под колючую проволоку, запретку, и пошел в сторону реки по пустому этому месту. Зеленела травка. Цветочки. Идет тихим спокойным шагом, не оглядываясь. Конвой еще раз выстрелил, начальник конвоя выскочил, кричит. Вернись сейчас же! А он не обращает внимания, опустив голову, идет тихим спокойным шагом. Начальник конвоя поднимает автомат и пустил очередь ему в спину. Вот так у нас не стало нашего шанхайца.

Такие случаи бывали, не только на работах, но и в зонах. И даже провокационные были случаи. Вот на 011-й, допустим, там где находилась санчасть, тут же была угловая вышка в зоне. Перед санчастью была колючая проволока — запретная зона перед забором, шириной метра 4. Выходит один заключенный из санчасти. С вышки парень кричит ему молодой: Слушай, курить охота, я вот спички уронил. Подай, пожалуйста, мне их. - Так запретка же... - Ну я же тебя прошу, ничего не будет. Подай мне. Парень, ничего не подозревая, полез за этим коробком. Только вылез туда к вышке — он его из автомата и уложил. Уложил, конечно, тут шум-крик туда-сюда. Ну, побег вроде бы. Хотел через вышку залезть. Что получается. Этот солдат — бандюга сволочная — получает отпуск за бдительность, наручные часы и едет на 10 дней к себе в деревню. В деревне как всегда, знаете — о, Ванечка приехал, застолье сразу. Гости из деревни — полдеревни. Посмотреть на Ванечку. Подпили, конечно - то потом нам стало известно. И стали его расспрашивать — как служба. Как это ты так скоро -через полгода и отпуск получил? Ну он стал рассказывать, не таясь. Да вот так и так. Совершил я убийство заключенного. Гости понурили головы, все встали и ушли из-за стола. И когда он вернулся назад, стоя на этой же вышке в одно из своих дежурств, потому что вся деревня от него отвернулась, он застрелился. Вот такие случаи были.

Если все эпизоды вспоминать за колючей проволокой проклятой этой, то кассет у меня не хватит. Их очень много. Еще хочу добавить, что во всех лагерях заключенных кормили очень и очень плохо. Собирался небольшой бригадкой Иван-чай. И вот в котле его варили, добавляли немного крупей, и вот этой кормили баландой. И 200 гр кашки какой-нибудь. Люди от этого доходили — от изнурительного труда. А гоняли на лесоповал за 1012 км, пешком туда и назад. А в особенности, если ранней весной или осенью — гололедик, конвой идет по бокам, по сухому месту выбирают, а нас горят прямо по этим льдинкам, которые проваливались. Обувь намокала, и вот придя на лесосеку, быстренько разжигали костры — чтобы обсушиться. Так гоняли нашего брата. Постепенно люди доходили. Через день-два люди умирали. По 2-3 человека. Этих покойников грузили на сани в зимнее время или на телегу — в летнее. И вывозили из зоны через вахту. Подъезжая к вахте с покойниками, головами назад, вахтер берет деревянный молот специальный и каждого покойника бьет по голове — а друг по дороге оживет. Вот так издевались над нашим братом. Не только над живыми, но и над мертвыми.

Я хочу предложить вам послушать лагерную песню — Приблатненную такую кличку нам дали воры в законе. Нам буровцам, которые сидели в штрафных лагерях, ШИЗО, зонах усиленного режима. Итак, я включаю (4. 16.00):

Товарищ, Сталин, вы большой учёный
В науках вы познали высший толк,
А я простой советский заключённый, }
И мой товарищ серый брянский волк. } 2р
За что сижу по совести не знаю,
Но прокуроры как всегда правы.
И вот сижу я в Туруханском крае,
Где при царе сидели в ссылке вы. } 2р
И вот сижу я в Туруханском крае,

Где часовые грубы и строги,
Я это всё конечно понимаю,
Как обострение классовой борьбы. } 2р
Всю жизнь в грехах мы сходу сознавались
Этапом шли навстречу злой судьбе
Мы так вам верили товарищ Сталин
Как может быть не верили себе. } 2р
То дождь, то снег, то мошкара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Мы здесь (не поняли) раздували пламя
Спасибо вам я греюсь у костра. } 2р
Товарищ, Сталин, ты не спишь ночами
Прислушиваясь к шороху дождей,
А мы лежим на нарах штабелями,
И нам чужда бессонница ночей. } 2р
Я вижу вас в своей партийной кепке,
И в кителе идете на парад,
Мы рубим лес, а сталинские щепки,
Как раньше наши головы, летят. } 2р
Вся грудь у вас в наградах, вся в медалях,
И волос от заботы поседел,
Ведь вы же сами из ссылки убегали }
А я дурак ни разу не сумел. } 2р
Вчера мы хоронили двух парнишек
Мы их не накрывали кумачом,
Один из них был правым уклонистом
Другой, как оказалось, не причем.
Живите 1000 лет, товарищ Сталин,
И пусть в тайге помирать придется мне,
Я верю будет чугуна и стали,
На душу населения вдвойне.

Вот так и мы, дураки, бывшие узники ГУЛАГа верили Сталину при его режиме жестком, из жизни ушло 40 с лишним млн человек. Безвинно осужденный и погибших от холода и голода. Но все же справедливость восторжествовала, после XX съезда КПСС людей стали реабилитировать и пачками выпускать из лагерей.

Наконец наступает 1953г. и я оказываюсь на лагпункте 013, у этого начальника майора Этлин – еврей. Нехорошо так говорить — я не националист, уважаю всякую нацию. Любого человека, лишь бы он был действительно человеком. Но этот майор Этлин был форменным узурпатором, мучил людей по БУРах. Издевался над ними. Заставлял выполнять непосильную работу. И один раз был такой случай. Когда заболела его мать, она лежала без памяти, он вызвал нашего врача, заключенного, Шевчука Василия, повёл к себе домой. И он стал осматривать старушку. Естественно, она лежала в таком положении, что чуть-чуть только дышала. Он ее немножко за голову и так сказать ладошечками по щекам, чтобы она хоть подняла глаза, он увидел это, и давай его избивать. Ты чего старуху трогаешь — надзирателя сразу и в изолятор и на общие работы. Вот такой начальник.

Меня направили в док, в бригаду Павла Чашина, того самого, который в Братске через Ангару заканчивал строительство моста. Он был мастером погрузочно–разгрузочных работ, я был в его бригаде. Конечно, работы у меня не было никакой. Я шатался по доку из цеха в цех

без дела. Лишь бы я не попадал на глаза ни надзорсоставу никому. Потом он занимался разгрузкой круглого леса, потом распиловочный материал, который был готов, он грузил в крытые вагоны. Платформ не хватало. Круглый лес грузил. Шпалы грузил. Вернее, не он, а бригада под его руководством. И когда вагоны с пиломатериалом крытые были уже загружены, а двери-то вагонные открытые, ждали, когда придет жд приемщик — принять, убедиться, что вагоны полные, вот тогда он их закрывает, пломбирует, и готов состав к отправлению. Я воспользовался этим случаем. Когда вагоны были открыты, и еще веря в этого узурпатора, Сталина, то что якобы не в курсе наших лагерных мытарств, пишу мелом, правой рукой печатными буквами: «Товарищ Сталин, дорогой Иосиф Виссарионович, не мы враги народа, посмотри, у себя как следует в Кремле кто-то из врагов народа сидит, узурпирует нас, помоги нам!» Вот в таком духе печатными буквами я написал. И что вы думаете, через какое-то время, месяца через полтора или два, приезжает следователь и начинает днем и ночью таскать людей. Диктует и заставляет писать печатными буквами, т.е. он подбирал почерк, похожий на то, что было написано в вагоне. Но все его старания прошли даром. В том числе и меня вызывал, заставлял писать под диктовку печатными буквами. Но ничего не получилось. И до сих пор это все было не раскрыто.

После этого какой-то период времени слышим, Сталин умер. Тут мы заликовали, ждем каких-то перемен. Потом слышим, что в Норильске какое-то восстание подняли. Люди не стали выходить на работу, и там было целое побоище. В конечно итоге, заключенные в Норильске, не выходя на работу потребовали высшее московское начальство. Лагерное начальство вызвало их, приезжают москвичи, столы ставят на лагпункте в зоне, и руководители восстания выходят, приходит московское начальство и начинается как говорят беседы за круглым столом. Заключенные выдвинули требования: в первую очередь – снять номера, второе - разрешить беспрепятственную переписку и получение посылок. Вот эти условия они поставили и им дали добро. И действительно через некоторое время нам дают команду снять номера. Мы аж удивились. Проходит какое-то время и к нам приходит этап из украинцев. Извините меня, конечно, но они сами себя называли так называли - «бендеры», и стали рассказывать, как проходило восстание. Но они стали сразу же брать власть в свои руки, то есть, взяли в свои руки столовую, своих людей на хлеборезку, т.е. все теплые места заняли. После этого, кто-то из советских заключённых где-то, когда-то провинился перед ними, в каких-то лагерях, они опознавали этих людей, заходили в бараки в масках и в лучшем случае избивали этих людей. Бывало, что даже и убивали. Вот такое началось.

Теперь у меня был друг по БУРу – Коля Гречанный, тоже украинец. В один прекрасный момент меня эти авторитеты украинские вызывают. Сидит там Коля и начинается у нас разговор: что, где, откуда ты, за что. Короче говоря, этот Коля охарактеризовал меня и меня не трогали. Вообще можно сказать, что они маньчжурцев никого не трогали.

Тут пришла команда неожиданно — отправить всех маньчжурцев на 011. И вот нас голубчиков всех — маньчжурцев, китайцев, японцев, корейцев — отправили на 011. Прибыв на 011, мы все разбились по бригадам. Там бригадиры были такие как: Волков Юра, Жора Мазуров, Олег Аркашов – хорошие ребята. Олег Аркашов сразу взял меня в свою бригаду. У него строительная была. Все эти бригады строили двухквартирные домики из бруса по Вихоревке. Через какой-то период времени нас стали отпускать по керенским пропускам, а что это значит, просто пропуск, идёшь на работу, можешь после работы задержаться до отбоя, возвращаешься к отбою в зону. Стало жить немного легче.

Наступил 1954г., у власти был сначала больной изможденный Черненко??, недолго. Сменил его Маленков. Я решил написать Маленкову обращение о пересмотре моего личного дела. Долго длилось это, до апреля 1956г. До этого мне предложили стать заведующим столовой. Бывший хам Коля Фомин решил организовать коммерческую столовую — мы же уже

получали небольшую зарплату. И он предложил меня вместо него. А он будет командовать коммерческой. Ребята авторитеты — были те же самые. Шароглазов и Петя Семенов, племянник атамана Семенова. И еще ряд людей. Они мне говорят — иди ты, мы же тебя знаем, иди заведующим столовой. Майор Этлин как бы был уже не начальник. Что мы решаем — тому он и подчинялся. Так я стал заведующим столовой.

Через некоторое время я решил заняться хозяйственным благоустройством столовой. Воду-то возили с реки, чуть ли не грязную, а у меня 8 котлов. И мы с одним товарищем — Аркадием Вислополовым, который в мехмастерских работал, большой специалист, он предложил сделать — вбить помпу прямо в прихожей, сообразил моторчик специальный и мы забили, и он начал качать воду — прекраснейшая вода, чистая. Провели трубы к каждому котлу — кран, и чистенькая водичка. Там, где были котлы, помещение было очень большое. И большущая стена — а на ней нарисовано озеро. И из гипса вылеплен лебедь на полстены — все это разукрашено. Красиво так. А это работа была раньше до нас задолго — здесь находились 013 японские военнопленные, вот они на стене и соорудили эту прекрасную картину. Настенную. Все любовались ею. У меня даже есть снимок — когда я уже стал заведующим столовой, с врачом, поварами, мы обсуждаем сидим на следующую неделю меню.

Я по хозяйственной части пошел в мехмастерские достать для столовой краски немножко — кое-где подкрасить. А контора находилась у нас за зоной. Мы ходили свободно. На вышке солдаты не стояли, только вахта — мы с керенскими этими пропусками. В столовой у меня работали хлеборезом был немец. Японцы — черную работу такую, картошку мыли, резали. Подготовливали к пище. И я ушел за краской. Когда возвращаюсь назад, женщины меня у конторы из бухгалтерии увидели, выскакивают, о, Георгий Михалыч, вас майор Этлин ищет. Вы ему срочно нужны. - А где он? - А он у себя в кабинете. Я захожу в контору, стучу в кабинет, слышу разрешение. - вы меня вызывали? Не успел я договорить. Смотрю, он соскакивает со своего письменного стола — товарищ Успенский садитесь, у меня глаза на лоб — чуть ли не обнимает меня. Я удивлен. - Что растерялся, дорогой, садись. Вот пришла бумажка. Тебя реабилитировали. Я чуть сам не упал от радости. Значит, Маленков все-таки помог мне в этом. А он мне — сейчас прямо иди в отдел кадров в управление. Там тебя — тоже по национальности еврей, но хороший мужик такой — начальник кадров. Прихожу к нему, он мне предлагает — был у нас разговор остаться здесь вольнонаемным. Заведующим столовой. Заключим договор — куда ты пойдешь — у тебя никого, куда поедешь. И ты сразу будешь получать 70% северных. 80 рублей оклад, и плюс 70%. деньги в то время были хорошие. И я согласился. Таким образом работал — уже вольнонаемным.

Через некоторое время приезжает московская реабилитационная комиссия. Никого из зоны не выпускают. Вернее часть оставляют — бригаду какую-нибудь, и эта комиссия начинает вызывать. И почти 100% людей эта комиссия реабилитировала на месте. Но свыше была видимо дана команда, чтобы оставить, как можно больше людей на Вихоревке, там еще был большущий док, некоторые цеха строились. Куда требовалась рабсила. Ну куда людям ехать? Ни у о здесь ни родственников ничего. И люди согласились, человек 600–700 человек остались на Вихоревке. Некоторые до сих пор живут. Таким образом, мы оказались на работе с зарплатой. И самое главное, мы стали реабилитированными.

Когда я был заключенным, работая заведующим столовой, нам разрешалось писать письма. Ну куда мне писать — некуда. Ну вот хлеборез-немец знал о том, что мой брат где-то, что в Германию был увезен. И он посоветовал мне, что вот мы немцы сейчас пишем в Красный крест, разыскиваем своих родственников. Давай напиши. Я говорю — я не умею писать. Он — давай я напишу. Я назвал фамилию Вейсмайера отчима брата. Через него может можно. Он написал письмо, что вы думаете, через некоторое время стали приходить мне посылки.

А потом в один прекрасный день меня вызывает оперуполномоченный, говорит, у тебя родственники есть? Я говорю — есть. Где? В Харбине. А еще где? Да был вот в Германии брат такой-то вот. Он открывает стол, достает письмо, открывает его — красным карандашом написано сбоку — вручить адресату, Евстигнеев — это начальник всего Озерлага. Я не могу читать, оперуполномоченный прочитал мне это письмо — у меня аж слезы. Брат мне пишет. Думаю, каким это образом он меня нашел - не я его, а он меня. Ну это я узнал после того. Как мы с ним встретились

Оказывается, у нас на 013-м проезде на Александровский централ, где сидел брат, был этапом доставлен Пётр Дикарев. Тоже маньчжурец — мы семьями были все знакомы — он и отца знал, и Володю моего брата. Мы перебросились несколькими словами. Его посадили в БУР, а утром его отправили — куда, это мне уже потом брат рассказывал. В Александровский централ. Когда его посадили в камеру, а привычка-то такая, новый человек пришел — перестукиваются за стенкой Морзе. Точка-тире, точка-тире. Узнают по фамилии, кто ты да чего ты. И когда Дикарев запросил его, мол, Володя, а фамилия твоя как — Успенский. А как звать? Володя. Так ты что, сын Михал Михалыча? да. А Юрка-то твой брат Георгий, он на 013-й. И дал адрес этот. Поэтому это письмо первое он мне и написал. Таким образом у нас завязалась с ним переписка.

А тут посылки из Германии. Я-то сыт, обут. Почти что на воле — пока еще реабилитация не пришла. Ну и стал переупаковывать ему дефицит. Присылали из теплого — носочки, свитерочек, рубашонка, сало, сладости. Все это я перепакывал. Курево — он не курил. И отправлял ему. Немцы это заметили. Им это понравилось — и тоже стали тащить дефицит — мол, отправляй брату своему. Вот так я его поддерживал, подкармливал. А потом нет-нет да и денюжат ему пошлю туда. Сотню-полторы. Так и жили.

Переписка у нас с братом была длительная. Потом его перевели во Владимирскую тюрьму. Там переписывались. И ему потом из Германии письма пошли — узнали его адрес. Через меня же. Но интересно то, что адрес-то на карточках писали в Красный крест — не Вихоревка, 013-й, а какой-то код. Какой-то номер Москва получала и там знали, что человек находится там-то. Отправляли на Вихоревку посылки и письма. Которые шли из Германии.

В 1956 году в августе — отец-то у меня приехал еще в 55-м году — его направили в какую-то деревню, и когда разрешили разъезжаться, отец пишет, что хочет приехать ко мне. У меня на Вихоревке уже связь была, отрешение ко мне было хорошее. И ребята наши строили двухквартирные дома, я выхлопотал одну двухкомнатную квартиру. Потом приехал брат Александр и ему тоже дали квартиру. Ну и у меня была отдельная однокомнатная квартира. В августе освобождается Володя из владимирской тюрьмы, и тоже прямо сюда. И селится вместе с отцом. И вдруг здесь появляется молоденькая воспитательница детского сада, Елизавета Васильевна. Володя такой обходительный, ходил в клуб на танцы. Познакомились. На ней Володя женился. Работал он в доке, там где и я — почтовый ящик-15, потом переименован в Вихоревское ВЛЗК, работал он электриком. Он большой специалист по электрике и токарь хороший. Закончил он в Германии высшее учебное заведение иностранных языков. Это ему в дальнейшем помогло.

Чуть не упустил одну важную деталь. Володя с владимирской тюрьмы приехал только со справкой об освобождении, а реабилитации у него не было. Так вот. При нашем почтовом ящике был прикомандирован сотрудник КГБ, майор Виктор Николаевич Комаров. Обходительный очень человек. Как и все. Он ходил в форме, другой раз и в гражданском. Часто ходил по цехам дока. Однажды мы встретились и разговорились. Я ему сказал, что брат приехал без реабилитации, с одной справкой. А ведь он какую-то родине пользу приносил — партизанам — так коротко рассказал. Тот говорит, я это все знаю, пусть напишет

заявление и мы попробуем. Мы так и сделали. Проходит месяц-два-три — мне просто неудобно было лишний раз подходить и надоедать. Если что будет, так сам скажет. В один прекрасный момент встретились — он говорит — хорошо, тебя встретил. Передай Володе, пускай зайдет, пришла его реабилитация. Чего так долго шла? Он говорит — ты что, пока запрос сделали. Пока допросили — свыше 40 человек, членов того партизанского отряда — это же работа большая. И вот все в ажуре. Я его поблагодарил. Володя обрадованный получил. Был реабилитирован даже по двум делам — первое, когда в лагере был, собирался идти в побег, но их там продали. Если имел 10 лет, то добавили 15. и стало 25. Отправили в Александровский централ, потом во Владимирский так бедняга он там и страдал. До 56 года.

Работая со мной в почтовом ящике, все время сокрушался — не по мне эта работа. Мне нужно людей побольше, общение, чтобы я своим языком занимался. И он решил с женой перебраться в Новосибирск. В 1962 году едут. Снимают у старичков комнату, жена устраивается в детский садик воспитательницей — благо там не хватало. И они зажили. Володя поступил в одну из престижных столовых. По оборудованию холодильников электрике. По хоз делам. И как-то один раз, проходя через столовую, Володя увидел женщин, сидящих за столом, среди них был один мужчина, говорящих по-французски. Он удивился, подошел. Извинился. И стал разговаривать. Они глаза на него подняли, и тоже спрашивать стали. Какой правильный акцент, правильный. Вы откуда? Он говорит, я заканчивал то-то. А здесь как раз декан была женщина пожилая с академгородка. С института иностранных языков. Она им заинтересовалась. Так вы что, кем работаете? Да вы что с таким знанием языка, да еще документ о высшем образовании, давайте к нам в институт. Дает ему адрес. Он увольняется и идет в этот институт. Его принимают, и он начинает преподавать французский язык. Так у него сложилась в Новосибирске судьба.

Через некоторое время Володя устраивает свою жену Елизавету Васильевну в этот институт на заочное отделение. Она работала и заочно училась. Естественно. Что дома ее Володя натаскивал, и натаскал так, что она экстерном за четыре года сдала успешно на все 5ки экзамены. Ее оставляют в институте преподавателем. И она работала до самой пенсии.

Неоднократно с Володей беседовал, он рассказывал, что как бы он не ухитрился не попасть во время войны в немецкую армию, но все же ему служить пришлось. Его забрали в 9-ю немецкую армию, которая находилась впоследствии на территории СССР. В деревне Турск, Рогачевского района, Гомелевской области. Он был очень обходительный человек. С высшим образованием, умел подходить к людям. Люди интересовались им, он умел беседовать, заинтересовать человека. Вращался он среди командного состава, по специальности он работал радистом. То есть. В его обязанности было ежедневно слушать информбюро по радио — что передают, и переводить, подавать выше начальству. В свободное время он ходил и в столовую, где были и застолья, офицерье немецкое. Они с ними имел большие связи. Им интересовались, потому что он был очень хороший собеседник. Он мог с любым человеком на любую тему переговорить. Но у него была задумка. Такая. Раз находятся на территории советского союза, естественно, кроме столовой и общения с офицерами, он прогуливался по этой деревне.

И познакомился с одной молодой женщиной, Щербаковой — инициалы ее Т.Л. Стали с ней часто встречаться и Володя вступил с ней в интимные отношения. Впоследствии, он человек не глупый, чувствовал, что она чем-то интересуется, что он делает, что у них там в немецкой части. Он понял, что она имеет связь какую-то с партизанами. А немецкой 9 армии было известно, что в этом районе в лесах скрываются партизаны. Таким образом, Володя вошёл в доверие, она познакомила его с родителями, и в результате Володя стал работать на партизан. Он, рискуя своей жизнью, передавал им то, что просили, и то, что в силах его было достать, и что мог узнать от немецких офицеров во время их застолья. Он иногда претворялся пьяным,

а в пьянке они рассказывали такие вещи, которые его и партизан интересовали.

И был такой случай, это видно из его личного дела, которое мне с Украины прислали, что командир партизанского отряда — Пекаревич — пояснял, что Володя вовремя через Щербакову дал знать, что фашисты готовят акцию против партизан. Узнав это, партизаны моментально ушли дальше в лес и эта акция у фашистов сорвалась.

Наша доблестная армия начала бомбить это место, то есть деревню Турск, где располагалась 9-я армия, фашисты стали быстро свёртываться и дали деру отсюда. Этим самым воспользовался Володя, захватил карту расположения немецких войск и сразу же перешел к партизанам в лес вместе с Щербаковой и ее семьей, а также многие жители деревни. Они скрывались до тех пор, пока не подошла Красная армия. Когда Красная Армия вступила в эти места, жители вернулись вместе с партизанами в деревню. Но беда в том, что дома все были разрушены. На удивление всем дом Щербаковой остался целым. Володя поселился там, но неожиданно приехал муж Щербаковой, а она думала, что он погиб, так как переписки не было. А он заявляется живехонький. И застаёт Володю. Естественно он передает в НКВД кляузы всевозможные на него. Володю забирают, и таким образом, он оказывается в Александровском центре, а потом во Владимирской тюрьме, затем в 1956 году он освобождается и приезжает ко мне на Вихоревку. И жил с нашими родителями.

Я уже рассказывал о судьбе Володи, о его жене, впоследствии у них родилась дочь Ирочка. Окончив 11 классов, как отличница, они заочно ее подготавливали в институт иностранных языков. В конечном итоге она его заканчивает и через некоторое время, а у Володи с Лизой были паспорта заграничные, пятигодичные, и они ездили во Францию, по пути заезжали к своему отчиму. В Германию. И встречались с ним. После некоторого времени Володя снова был во Франции и заезжал к отчиму, но он скончался. Володя нашел там папку. Всю переписку со всеми: как он искал Володю по всем инстанциям, даже в 9-ю армию писал с просьбой ответить, где его сын. Ему командир 9-й немецкой армии отвечает: Ваш сын дезертировал к партизанам, поэтому заочно приговорен к смертной казни. Эти документы у Володи все в подлиннике в домашнем архиве хранятся. Новосибирский Мемориал заинтересовался, переснял эти документы. И часть этих документов — копии, есть у меня. Вот так сложилась их судьба. Ирочка впоследствии ездила во Францию, на повышение квалификации, вышла замуж и, родилась у них дочь, которая тоже поступила в институт иностранных языков, изучать французский и другие языки. Вот так создалась крепкая и дружная семья.

В 1990 году Володя сильно заболел, видимо, лагерное содержание сильно повлияло на его здоровье. Его положили в больницу, мы не дождались его выздоровления, и он скончался. Царство ему небесное и пусть земля ему будет пухом.

Из-за своего старческого склероза вспомнил я, о том, что я говорил раньше. О побеге полковника и его друга маньчжурца, который женат на японке, о Широглазове и Семёнове. А сказать хочу вот что: если поймут в каком-нибудь отдаленном месте во время побега, то всех обязательно приводили живыми. Так вот полковника этого и маньчжурца, который женат на японке, их не приводили. Видимо, им удалось все-таки попасть за границу. Полковник этот тоже был арестован контрразведкой СМЕРШ. Участник отечественной войны. Как многие попадали — тот же самый Солженицын прошел лагерные застенки.

Еще хочу сказать, что как я, так и мой брат, очень уважали участников Великой отечественной войны. Ими тоже было пережито очень много, погибло колоссальное количество людей — сотни тысяч, борясь с фашистами за освобождение нашей территории. Но обидно то, что участники войны как ленинцы так и сталинцы, они на нас смотрят на нас

как на врагов народа, но мы ничего плохого для родины не сделали, а наоборот старались делать только хорошее. Да после реабилитации трудились честно, добросовестно, имеем грамоты, похвалы. Нам обидно за это, почему они не вспомнят, участники Великой Отечественной войны, ведь эшелонами их отправляли на фронт, были паровозики, которые питались углем каменным, который добывали голодные и полуголодные доходяги! Опять-таки заключенные. И пачками гибли в этих шахтах. Вот на этом-то уголке участники Великой Отечественной войны попадали на фронт. А они, видите ли, до сих пор на нас еще обижаются. А ведь тысячами гибли люди, отправляя строительный материал для ДОТов, ДЗОТов, окопов и так далее. Трудились, не покладая рук — сколько погибло — ужас один, больше 40 млн. И никто — только в некоторых случаях, некоторые авторы об этом вспоминают. А так, в настоящее время о нас, гулаговцах, забыли. В Томске сейчас осталось всего 65 человек, в Асино – 16, и по районам 3–4–5. Всего 102–103 человека. О нас ни звука нигде, ни в прессе, ни по телевидению. Об афганцах пишут, чернобыльцах, участниках ВОВ пишут, а о нас забыли – мы старики 75, 80, 96–летние, зачем они нужны. Единственное, общество «Мемориал» нет, нет да и заботится. Солженицынский фонд появился, который материально помогает. И неплохо. Вот так мы и живем.

Хочу чтобы вы послушали песенку «приблатненных», как нас называли уголовники, о войне:

Там в дали за рекой побелел небосвод,
В небе ясном заря догорает,
Сотни старых бойцов из буденовских войск }
В лагерях до сих пор загнивает. } 2р
Я не буду молчать, нужно правду сказать,
Если сердце огнем обжигает,
Заключенных судьба в темноте залегла }
И потомство страны исчезает. } 2р
Я немало сидел, волос весь побелел,
Научился считать и в законе,
Мне повсюду везло, изучил ремесло }
Властью тех, кто носит погоны. } 2р
В годы грозной войны были мы штрафники,
Кровью нашей вину искупали,
Шли мы в бой на врага, но кричали «ура», }
И за Сталина мы погибали. } 2р
Эту песню пропел срок свой не отсидел,
В небе ясно закат догорает,
Сотни юных борцов заменив нам отцов, }
Ни за что в лагеря попадает. } 2р

Вот так и участники ВО войны прошли сталинские лагеря, погибали они там также пачками — ужас один, участник ВОВ по вине какого-либо мерзавца, донесшего на него, попадал за колючую проволоку и там погибал. Но они все-таки верили, что Сталин об этом не знал, но это не так. Сталин все знал до конца. Даже его дочь, Аллилуева и то от него отвернулась, уехав в Америку, взяв американское подданство и приняв православие. Бросив тем самым коммунистическую партию, и зажила по-новому, православному, как она выражается, веря уже в судьбу, когда ранее была коммунисткой, она не верила ни в судьбу, ни в Бога, ни в черта.

На днях по радио услышал, что в Карелии общество «Мемориал» со своими энтузиастами производили раскопки и обнаружили там массовое захоронение – братские могилы. Расстрелянных около пяти тысяч человек. Все это собрали вместе с областной администрацией и органами даже ФСБ сделали там перезахоронение и поставили там

памятник. «Погибшим от Сталинских репрессий». Такое большущее количество невинных жертв.

В нашем Томском музее хранится карта, на которой изображены все по Томской области, какие есть лагеря. Так вот если вдуматься, как следует, сколько людей и где они были захоронены, пока еще неизвестно. Но все это когда-то вскроется, а гибли люди от голода, холода, от непосильного труда. Людей хоронили в определенных местах, но где пока неизвестно, единственное, что мы обнаружили – это за Томской тюрьмой.

Хочу вернуться опять назад. Я вспомнил, что мы с братом переписывались, когда он был в Александровском центре и во Владимирской тюрьме и потом уже при встрече, когда он приехал, он привез 2 толстые общие тетради. Оказывается, каждое письмо, которое он получал от меня, он в этой тетрадке фиксировал своим почерком, писал мне ответ и так же фиксировал. Вот эти 2 толстые тетради хранятся у его жены — Елизаветы Васильевны в домашнем архиве. Там есть даже письма, которые на французском языке, которые он посылал туда. Вообще очень интересная тетрадь, жаль, что ее в настоящее время ее нет. Но если потребуется для музея, я могу ее достать.

Это все я записываю для нашего члена совета и сопредседателя Мемориала — Бориса Тренина. Историка нашего. Если посчитает все записанное галиматьей — пусть уничтожит. У меня не будет никакой обиды.

Хочу сказать несколько слов об одном уникальном человеке, который проживает в Асино — это Данил Егорыч Алин. Тренин Борис Палыч, историк наш, попросил его написать его о своей судьбе в письменном виде, что Данил Егорович и сделал. Затем Борис Павлович скорректировал это, и вышла прекраснейшая книга «Мало слов, а горя реченька». Борис Палыч в своем предисловии отметил всю ту действительность гулаговской структуры. И ее последствия.

Данил Егорович с молодости обладал геркулесовским здоровьем, умением владеть собой и выживать в трудных условиях. Это сложно быть между трёх огней: лагерной администрацией, уголовниками и лагерными придурками. Мало кто при таких условиях выживал. Данил Егорович прошел ужасные, нечеловеческие издевательства зверского советского НКВД-ного гестапо, под мудрыми санкциями ленинско–сталинской банды. Читая о его жестокой судьбе, диву даешься, как это все можно было пережить: пытки, ножевые ранения, голод и холод.

Мне, находясь за колючей проволокой с 1945, начиная с Уральских лагерей и кончая Озерлагом, не раз приходилось видеть людей, прибывших из тюрьмы после окончания следствия гестаповскими методами советского НКВД–шного зверья. Вынуждали подписывать необоснованные на себя обвинения, получавшие сроки ОСО по 10–15–25 лет. Морально и физически их организм долго не выдерживал, и они умирали от ослабившегося здоровья или пыток, или от отчаяния бросались на запретку под вышкой охраны, солдат его убивал, а за это как предотвратившего побег, получал 10 дней отпуска и наручные часы в придачу. Такие же пытки и издевательства во время следствия перенес и Данил Егорович. На удивление, как он мог после всего пережитого, как он мог взять себя в руки и уж находясь за колючей проволокой, выжить 18 лет, терпя весь ужас лагерной жизни. Освободившись в 1957г. он стал хорошим семьянином. Нажил дом, хозяйство. Работая не покладая рук. Данил Егорович как реабилитированный, до сих пор является членом совета общества «Мемориал». Живя в Асино, он периодически бывал в Томске, и всегда заходил в общество «Мемориал» для решения вопросов. Нина Поликарповна и Вильгельм Фасты выдавали ему из фонда Солженицына деньги для Асиновских гулаговцев. Иногда он приезжал и получал по 150 тыс.

или 200 тысяч рублей на каждого. Поручали, как следует, заполнять ведомость, и он эту ведомость сдавал. Большое спасибо Солженицыну и его жене. Эта материальная помощь была для них существенной. С конца 1996г. Данил Егорович серьезно заболел, видимо всё же на 75-м году жизни зверства советского НКВД отразились на его здоровье. Более 40 млн. человек перенесшие аналогичные муки давно ушли в иной мир.

Как строилась железная дорога Тайшет–Лена. Ранее я рассказывал, как строился мост через Ангару. И какое было его открытие в присутствии куратора кремлевского — генерала Гвоздевского. Этот генерал Гвоздевский курировал с самого начала строительство ж/д Тайшет-Лена. Каким образом она строилась. До самой Лены до Тайшета через каждые 3–5 км были лагеря. Где томились безвинные заключенные. Я говорю о политических, которые там же находились вместе с уголовниками. Строительство шло таким образом. Назначался бригадир из числа уголовников. Они руководили строительством жд. В их функции входило: отсыпка насыпи, прокладка шпал и прокладка рельс. Эти уголовники-бригадиры были очень жестоки к своим бригадникам, подгоняли ежеминутно. В случаях, когда приезжает правительственный состав, впереди специально оборудованный для генерала Гвоздевского вагон, который стоит впереди и толкает этот состав. А впереди заключенные прокладывают рельсы. Проложили — он продвигается дальше.

Прокладывая эту дорогу - в особенности, когда надо проложить рельсы, изможденные люди, заключенные — по 40 человек брали эту одну рельсину, чтобы установить ее на шпалы. А если с бригадником что-то случалось. И он немножко отстал, так этот бригадир палкой его по спине лупит. Генерал Гвоздевский стоит и в ладоши хлопает. Потом подзывает к себе бригадира, а у него там фляга со спиртом — и угощает его. Люди умирали там пачками, дорога эта от Тайшета до Лены построена на костях заключенных.

Где-то в конце 1947года нагнали по разным лагпунктам военнопленных японцев, им были поручены также ж/д участки. И они их облагораживали. Так я рассказывал о 013 лагпункте, где они были. И нарисовали на кухне прекрасную картину.

Когда по приказу свыше сняли с нас номера, с вышек — конвой, все те работники лагерной администрации — из надзорсостава, начальник режима, оперуполномоченные, если были извергами и относились к нашему брату плохо, как только нас начали расконвоировать, выдали керенские пропуска — как мы их называли, они все разбежались, кто куда. Мы были удивлены. На их месте появились новые.

У меня даже был такой случай. Когда я был зав. Столовой, у нас были корейцы, японцы, немцы. Вот они, перед тем, как приехать комиссии по реабилитации, их грузили в пассажирские вагоны — не теплушки — и отправляли на родину. В сою обязанность входило — как только подадут этот состав, вывозят там, допустим немцев — я должен был подъехать на станцию на машине — у меня была прикрепленная для этой цели, и вручать каждому вагону по количеству людей сухой паек на дорогу. Не помню, насколько дней, но в достаточном количестве. И вот один раз я приезжаю, а у нас был нерусский — то ли узбек, то ли казах, надзиратель — он такой был гад, так издевался над заключенными, мы его гоняли, он от нас бегал, и вдруг мы встречаемся на вокзале. Он на меня, аж глаза выскочили, поворачивается и бежит. Думаю, куда же бежит — а там напротив была жд милиция он забегает туда. Вот так он испугался меня. Ну я закончил, и думаю, дай зайду — не то. Что плохое ему что-то сделать, а просто сказать — что ж ты, дурак боишься, кому ты нужен, что из-за тебя опять попадать. Захожу в милицию. Он меня увидел и в кабинет начальника залетает. Меня останавливают — что такое? Я говорю — хотел с ним поговорить, чего он боится, он был у нас надзирателем. Хотел его успокоить, что его никто не тронет. Но меня к нему, конечно, не пустили. Потом я узнаю, что его здесь нет. Переведи в другое место.

Ещё один эпизод из жизни на 011. в то время, до того, как мастырку на руке сделал, и меня увезли на операцию в Братск, у нас зав. столовой был Володя Петров, маньчжурец. Хороший парень, мы ему доверяли. Он как-то умел лавировать между лагерной администрацией и нами. Он нам сочувствовал и помогал в питании. Каким образом — там же у него бывает надзорсостав. И вот был у нас такой надзиратель-украинец Кулик, он как-то с ним договорился, и во время его дежурства этот надзиратель под кашей — отдельно миски, под кашу клали и жареную картошку, и мяско. Поддерживал нас таким образом. Вдруг появляется новый дневальный и вот этот Кулик не стал с ним появляться с ним в БУРе. И кормить нас пищей. Приносят эту баланду с кашей. И чрез кормушку подают в камеру. Этот новый дневальный, о котором нам сразу сообщили из зоны, что это был стукач из стукачей, нюхач — пронюхивает все абсолютно. Прибыл из другого лагпункта. Оттуда пришла ксива — письмо так у нас называется, о нем сообщили. Таким образом он стал кормить с надзирателями нашего брата в БУРе. Получилось так, что Кулик с ним раза два приносил, и по-видимому этот стукач-дневальный доложил начальству. Кулика уволили. Потом он стал приносить пищу с другими надзирателями. Однажды я подошел к нему, чтобы заглянуть ему в морду. Чтобы запомнить его. Он по взгляду понял — они чувствительные такие засранцы, наливает мне баланду и сверху водичку одну только — раз. Я принимаю эту миску и ему в морду — раз. Плеснул. Закрывается кормушка. Меня вывели в изолятор. Сижу один в камере. Скучновато. Вечером ко мне привели моего испанца Антона Моралеса. А я тоже говорит ему в рожу плеснул баландой. На следующий день приносят также пищу с этим же гаденышем. И я просто подошел к окну, а там решеточки небольшие — потрогал, смотрю один из прутьев оказался слабый, отломился. Выдернул его — оружие есть. На следующий день перед завтраком говорю испанцу. Ты у окошечка ложись, как будто ты больной. А я попрошу, чтобы он тебе пищу дал — я же не шестерка, чтобы пищу раздавать. Приносит с надзирателем. - А, голубчики, мне дает баланду. И хлебушка кусочек 300 грамм — на целый день. Потом кроме водички ничего не будет. Я говорю ну ладно, очень хорошо — а этот стерженек, деревяшка, у меня в рукаве. Он небольшой — см 40. Он — Ну, Моралес, иди, получай. Я говорю — я уже есть начал, а он температурит больной, поставь ему, когда захочет — поест. Он — ну вы, гады... за ним надзиратель стоит, он думает, что ничего не будет. Идет к окну к Моралесу, тут сзади я подсказываю. За шиворот и этим стерженьком металлическим по голове — раз, другой. По стенам — кровища. Он руками — я его луплю. И по лопаткам, и по плечам. Надзиратель убежал. А этот руки на голову положил и ничего не может сделать. В это время бегут — человека четыре надзирателя сюда. Говорю — нате, принимайте своего гаденыша, стукачишку. Меня сразу в одиночку посадили тут же.

Лагерное начальство всегда старалось при первом же удобном случае, если вдруг сверху намечается какой-нибудь этап, избавиться от таких людей, как мы. Однажды меня, Моралиса и Петя Голобоков был такой — друзья мои, как охрана, отправили на 022. - А что там? - Приедете — узнаете. Приезжаем, нас сразу вызвал начальник (а там еще этапом прислали работяг, но вызвали нас). Спрашивает — руководить умеешь, наверное? Здесь нужно нам большую работу повернуть. - Какую работу? Я говорю — Я. Или вот Голобоков Петя. А это помощник — замбригадира — Антон Моралис. Начальник смеется. Говорит — вот здесь 600 метров нужно отсыпать насыпь. Есть и деревья — корчевать надо немножко будет, подпилить где надо. Я говорю — эти дела нам знакомы. А бригада-то? Он: барак такой-то — там корейцы, китайцы, японцы и так далее. Нарядчик придет, скажет, где и каких. Я говорю: начальник, бригада по сколько человек? Он: по 45-46. Две бригады. Я говорю, хватит. А как насчет вешдвольствия? Питания? Он: А это сколько у вас будет процентов. Я говорю: Как бригадир я привык, чтобы одевали бригаду в первый срок. Чтобы не ходили они в порванных штанах, обуви. Щас говорю ботинки неплохие выдают первым срокам, обмундирование неплохое. Так что дайте команду, чтобы бригады наши одели. Если, конечно, хотите, чтобы работа была выполнена — проценты будут. И работа будет выполнена. Еще благодарность

получите. Он пообещал дать команду, чтобы выдали все это. Пришли с нарядчиком — распределили нам по 48 человек. Выдали нам с Голобоковым две бригады. Испанца я к себе взял. И началась работа — выходим. Этот выходит с нивелиром. Я начал с ним хрюкать и дохрюкался — вот к зиме ботинки выдают, тебе бы валеночки. Я: валенки пока рановато. Короче, тысячи на полторы он заделал нам кубатуру больше. А нам этого хватало. Ребята работали так это — вразвалочку. Только когда начальство приходило — тогда бегом. Кормили нас — кило сто и три кашки. Ну и остатки на кухне как всегда — наши. Проценты у нас всегда были высокие, начальство было всегда довольное. Единственное, себя плохо чувствовал из лагерной администрации один из гаденышей — нарядчик. Но здесь нам рассказывали, в зимний период был такой случай. Вывели... (Продолжения нет)

Лиза на дому преподаёт французский язык. Она была вдохновением Володи и в работе и в жизни. Семья его, включая его дочь Ирочку, внучку Надюшу – это способное потомство к языкознанию. У Елизаветы Васильевны прекрасный молодой зять в чине полковника. Живут дружно.

Хочу вернуться к выше изложенному. Не подумайте, что мол Успенский расхвастался, может этого и не было, ишь какой герой. Нет. Все было так, как я изложил. У меня есть фотографии, когда этих негодяев и паразитов — Сталина и Берии не стало, то можно было переписываться, посылки получать, фотографироваться. У меня есть фотография всех буровцев, кто со мной сидел. В центре сидит Коля Смирнов, один вид его чего только стоит, жесткий человек. Он имел за плечами 15 лет, находясь в Чудском Озерлаге, когда начальник поднял на него руку, он его на второй день зарезал прямо в зоне. И пять лет отсидевши, ему добавили еще пять. Осталось 15. На снимках люди – буровцы, как я говорю — местные советские граждане, с которыми я всегда дружил. Большинство маньчжурцев были этим недовольны. Но рядом на фотографии есть мой друг Василий Пасечников, тоже маньчжурец. Немножко ниже я расскажу одну историю. Вот мы все буровцы и сфотографировались.

Я выше говорил о том, что после войны майора Ефремова такого назначили начальником штрафного пункта. Он посмотрел на все это и знал, что люди сидят безвинно. Это было видно по его отношению. И не только он, но и охрана вся и надзорсостав относились очень благоприятно. Хотя и назывался он штрафным. Я тогда был бригадиром каменного карьера. В один прекрасный день пришел этап и приехал этот Вася Пасечников. Находясь у меня в карьере — он такой обходительный. Начальник конвоя иногда заходил прямо к нам в зону, расхаживал, разговаривал. И вот они с Пасечниковым как-то сдружились, что ли. В общем, были в очень хорошем отношении. Потом в один прекрасный момент мы видим — такая сопка, где бурили и камень взрывали, а чуть правее на сопке — лесочек растет, травка растет. И в один прекрасный момент мы смотрим все с удивлением, Вася Пасечников, с этим начальником конвоя, а у того за плечами автомат — понимаете, вышли из зоны, и поднимаются на эту сопочку, где лесок. И на поляночку там ложатся — о чем они там говорили, тары-бары растабары... мы наблюдаем за ними — как там за зону — и вроде в норме все. А там воронье летает. Вдруг слышим выстрел. Думаем, бог ты мой, с Васькой, наверно, что-то случилось. Нет, смотрим, лежат, хохочут. Присматриваемся, Вася берет этот автомат! Выяснилось, когда он вернулся в зону — на дерево там на одно, сел ворон. И начальник конвоя прицелился и промазал. Вася говорит: мазила! Дай я попробую. Тот дает ему автомат — Вася стреляет и ворон падает. Понимаете? Вот такой эпизод. Как можно доказать что это было? Только Вася Пасечников может подтвердить. Когда придет.

Среди наших оказался один из маньчжурцев — забыл его фамилию — молодой парень, стукачишкой оказался. Стукну оперуполномоченному. Это все обошлось, конечно. Начальника конвоя просто сменили, ему ничего не было. К нам направили другого — тоже хороший был. Благоприятно было на штрафном на этом. Люди поправлялись. Бывало,

доходят пришлют. Поправятся за 3-4 месяца на овсянке, на большом пайке. Спасибо администрация и экономисту нормировщику Нине Комбарово́й — от нее тоже очень много зависело. Она мизерную норму нам давала — все удивлялись, что за 0,9 куба, за полчаса такую набрать можно осколков всяких.

Или вот такой случай — хотите верьте, хотите нет. На 011-й был оперуполномоченный, забыл фамилию, однажды вызвал меня. А заведующий столовой — мы все его знали, хороший парень, Володя Петров, исключительный мужик, не из числа стукачей, умел жить с народом и начальством. Вот вызывает меня оперуполномоченный. И говорит. Успенский, у нас сейчас с деньгами плоховато. А ты знаешь, голова болит с похмелья — вчера на день рождения приглашали, а сегодня опохмелиться нечем. Будь любезен, у вас же всегда в заначке деньжата есть. Если можно на вас надеяться, и я вам бутылочку принесу. Какой разговор? Пошел туда-сюда, собрали денежки, на три бутылки, как сейчас помню. Он пошел приносит — а договорились встретиться у Володи Петрова — у него в столовой отдельный кабинет есть. Встречаемся. Туда принес две, мы сели там, еще пригласили наших ребяташек двоих — Голобокова и Моралеса. И посидели очень хорошо. Выпили, закусили. Заведующий приготовил картошечки с мясом, поджарил — поболтали. Заговорили о стукачах. Да ну их к черту, говорит оперуполномоченный, я их и не слушаю, если бы я их слушал, вы бы в зоне не были. А были бы в БУРе — видите, он сейчас пустой.

На 013-й когда был, майор Ляпкин — тоже вызывает, слушай, так и так, тоже с похмелья. Заведующим столовой тогда я был. Какой разговор — собрали, купили, сели.

Хочу добавить о майоре уполномоченном Ляпкине. Он когда еще был капитаном, его назначили на 013-й — там начальником был майор Этлин. И Этлин был недоволен Ляпкиным капитаном. Потому что всегда говорил — вот прислали мне алкоголика, пьяницу. Добивался, чтобы убрали, но не вышло. Через какой-то период времени его отзывают и отправляют в Москву на повышение квалификации на год. Майор Этлин — начальник 013 — обрадовался, доволен, слава богу отделался от пьяницы. Больше месяца там не пробудет, его оттуда с эт их курсов выгонят, мол. Год проходит. И в один прекрасный день, он закончил, приехал в управление Тайшета, а управление его отправляет уже старшим оперуполномоченным на 013 лагпункт. И приезжает в чине майора — его повысили. Этлин с удивлением и возмущением. Но майор Ляпкин продолжал — не приходил, конечно, в зону пьяным. Наверное, по вечерам выпьет, а с утра перегаром пахнет, и майор Этлин был этим очень недоволен.

Что такое старший уполномоченный? В отделении лагпунктов Вихоревки было 10 лагпунктов и плюс 2 лагерные больницы: одна в Вихоревке, другая в Братске. Старший уполномоченный — старший над всеми оперуполномоченными всех этих лагпунктов. Он периодически разъезжал — то на один лагпункт, то на другой. Наставления давал. Вот так пробыл с нами вместе Ляпкин старшим уполномоченным до последнего освобождения даже меня.

Когда я был заведующим столовой, майор Ляпкин частенько ко мне заходил, у меня там отдельный кабинет был. Всегда приходилось доставать денежки на пару бутылочек. Мы садились с ним, я приглашал таких как Шарогазова и Семенова. Прикладывались с хорошей закуской. Иногда даже он бегал за добавлением. Так и жили последнее время. Кто-то скажет не может быть — все может быть. Только люди доверяли не каждому. Овечке. И надо было, чтобы все было шито-крыто.

В Томск я приехал из Вихоревки, Братского района в 1972 году. В 1976 году я женился гражданским браком на Зоркольецовой Виктории Анатольевне, а в 1978г. решили зарегистрироваться. У моей жены была дочь Надя, внук Коля и внучка Вика. Муж Нади –

Анатолий исключительно хороший парень, бывший морячок пограничной службы, в 1992 году умер от инфаркта. Надя до сих пор не замужем, воспитывает внучку. А Коля, ее сын, в 1998 году закончил училище связи, остался в Томске и сейчас служит при училище командиром взвода.

Мы с женой решили нашу приватизированную квартиру отдать внуку Коле. 2 декабря 1997 год дочь Надя позвонила и пригласила приехать и помянуть день смерти своего мужа Анатолия. Мы поехали и во время посадки в трамвай — женщина была грузная, ступенька была высоко и она никак не могла туда войти. Схватилась за поручень, молодой человек сверху помогает, я снизу. И она понатужилась и вошла. Но тут же сразу схватилась за голову, закатились глаза... нам оставалось проехать одну остановку. Кое-как я ее вывел, хорошо парень попался хороший на машине, 500 м оставалось до Нади и мы доехали. Там помогли подняться на 8 этаж. Только она переступила порог — кое-как удержали, чтобы она не ударилась — упала. Вызвали скорую. Приехала моментально. Врач констатировала смерть. Спросили, чем болела — два инсульта. Врач сказала, что это третий. В редких случаях выживают. Так мы потеряли хорошего, доброго, любимого человека. Надя меня забрала к себе — у нее трехкомнатная квартира. Выделила комнату, где я и проживаю.

Когда Виктория, моя жена, умерла, в похоронах приняли участие много родственников. В том числе и с Колиной стороны — связисты. И общество Мемориал. Все очень помогли материально. Благодаря его содействию на кладбище дали место на 186 квартале для репрессированных, с учетом отведенного и мне там места. Очень всем благодарен. В особенности много сделал для нас Борис Палыч Тренин.

Напрасно некоторые думают, что вот, Успенский уже стар, слеповат, глуховат. И ничего не понимает, не чувствует. Нет. Кто так думает, глубоко ошибается. Я все чувствую и по взглядом, и по жестам. Вот, например, когда гостишь у кого-то. Если человек хочет, чтобы ты остался — он на шею бросаться будет, мол, поживи еще! А когда опускает глаза и голову — здесь чувствуется нежелание — опасно для нас твое дальнейшее проживание.

11 лет за колючей проволокой — разные люди прошли перед моими глазами, и хорошие, и плохие. И сразу опознаешь. И это осталось до сих пор.

Я каждый год, когда еще был жив брат Володя, ездил в Новосибирск. И в 1989 году поехал на день рождения его жены Лизы. Володя меня спрашивает, как у вас там в Томске с бывшими узниками ГУЛАГа, получают ли они какие-то льготы? Я говорю, никто никаких льгот не получает. Он: Вот у нас союз репрессированных выхлопотал льготы для нас. Бесплатный проезд. Прикрепили нас к магазину. Приравняли в виде исключения к участникам Великой Отечественной войны. В магазине получаем в месяц 4 кг мыса, сливочного масла по 1 кг, курицу — 2 кг... крупы и вермишель, консервы — по более низким ценам. Я говорю — у нас этого нет. Приехал обратно в Томск с газетой, где это решение облисполкома. Обратился к нашему облисполкому — юрист назвал адрес общества Мемориал. Председателем был Лев Федорович Пичурин. Нашел его в пединституте. Он направил в краеведческий музей, говорит, каждую среду собираются члены Мемориала, обратитесь к Борису Тренину. Обратился, приняли меня хорошо. И начал я хлопотать насчет этих льгот. Вместе с Кашеевым написали письмо и пошли втроем в облисполком. Секретарем был Попадейкин попросил зайти через недельку. Поручили мне. Через неделю прихожу. Говорит — почти готово, но будут изменения. Захожу через три дня. Это было в 1989 году. Дает мне это решение — там сказано, что мы являемся как труженики тыла. И — льготы нам такие же, как новосибирским. Не по 4 кг получали, конечно, но по 2 кг. Масла, курей... в общем, получалось неплохо. Бесплатный проезд на общественном транспорте, по жд — раз в год. Помогли общество Мемориал.

Сегодня 28 июля 1998 года утром прозвучал телефонный звонок и меня пригласили в ФСБ, сотрудник Панько Григорий Николаевич, который сообщил, что на мой запрос о лагерном деле пришел ответ. И я могу зайти ознакомиться с ним. Что я и сделал. Меня принял Григорий Николаевич и принес личное лагерное дело. Про него хлопотал, а мне сначала отвечали, что оно вроде бы уничтоженное. Когда мы открыли дело, оно буквально было в тоненькую ученическую тетрадь, когда раскрыли его — там всякая переписка — то, что я реабилитирован или за что я сидел, кем я был на воле, такие вот листочки, которые значимости не имели. Я спрашиваю: А где же все остальное? Это лагерное дело личное — там должны быть рапорта надзор состава на меня, кляузы стукачишек, которые были под псевдонимами у уперуполномоченных. А главное — в личном деле должен был быть формуляр, т.е. лагерный паспорт, который исписан красным карандашом — что там было написано, я не успевал заметить, когда начальник конвоя вызывает, там все данные: ФИО, год рождения, за что судим, статья, пункты, сколько срок, номер нагрудный, спинной и коленный и так далее. Все это отвечаешь, тогда он пропускает за ворота. И мы таким образом выстраиваемся и идем на работу. Но этого ничего нет — тоненькая, как ученическая тетрадь. А где же все остальное? Панько говорит, вы не подумайте, что это мы изъяли. Нет, это уничтожали ранее. Я говорю выше, что когда негодяи Сталин с Берией погибли, я когда выходил на работу, там котельная была — 3-4 надзирателя в течение 2-3 дней полную машину бортовую привозили к этой котельной и сжигали эти документы. Возможно, с личных дел вырывались эти кляузы. И оно осталось пустым. Я его спрашиваю — а где постановления частые из БУРов. ЗУРов, штрафных лагерей, я же из них не выходил? В общем, ничего этого нет там. И вот я не знаю, как теперь — я бы с удовольствием переснял все эти копии, но их нет, они исчезли. И получается так, что все вышесказанное — я врал. Нет. Ничего подобного. Вот они уничтожили всю действительность. Там есть одно место, где указано, что я якобы получил 5 суток изолятора, за то, что передавал каике-то вещи кому-то. И все — больше никаких моих нарушений вроде бы не было. Так вот такие личные дела лагерные.

Познакомился с личным делом брата, там тоже ничего особенного не было. Также тоненькая тетрадошка. А где все остальное? Где у брата хотя бы то, что один из стукачишек продал, что он собирался идти в побег? За это получило плюс к 10 годам еще 15 лет и тюремное заключение — александровская и владимирская тюрьма. Все, что было интересного, обличающее их действия узурпаторские — все уничтожено.

Правда, в моем личном деле под номером И-187 есть 3 фотографии. И Григорий Николаевич любезно пообещал мне их увеличить и по телефону вызвать и передать.

Я пообещал Тренину, что с Панько переговорю, чтобы он ознакомился с моим лагерным личным делом. Что я не возражаю. Конечно, он пойдет и ничего интересно как для историка не будет. А может, что и найдет. И потом я не мог сам читать — Григорий Панько перелистывал, что-то прочтет, что-то нет. А я не мог — из-за зрения.

У меня и сейчас осталась дурная лагерная привычка, как я обращался с лагерной администрацией, если какая несправедливость, я и сейчас взрываюсь и могу даже оскорбить человека. Если приходится по заданию общества Мемориал идти к чиновникам с письмом — с просьбой, прежде чем зайти в кабинет, я принимаю валерьянку — таблетки. Чиновники же какие — сквозь зубы говорят, и чтобы что-то доказать, не взорваться, я себя успокаиваю. И обходится нормально. Плохая привычка моего характера. Но за 11 лет с этой паскудной лагерной администрацией никак не дружил. Всегда был с ними на высоких тонах.

Мне бы очень хотелось, чтобы Борис Палыч поверил тому, что я сказал. Говорил выше. Думаю, что он поверит и сделает свои выводы. Жалею о том, что я не смог всю эту историю мою гулаговскую, жизнь описать на бумаге. А не на кассетах, через микрофон. Будет очень сложно Борис Николаевичу прослушивать — взброс у меня все вышесказанное. Прослушать-то прослушает. Не понравится — даю слово, не обижусь, выбросьте эти кассеты.

Хочу рассказать о своем вспыльчивом характере. Как-то раз на совете «Мемориал», когда еще была война с Чечней. Я не хочу называть его фамилию — коснулся вопрос Чечни. Тут один из членов совета встает и говорит, что гибнет народ чеченский. И что мы должны, россияне, перед чеченским народом встать на колени. Эх как я тут сорвался, соскочил со своим характером. Меня аж всего затрясло. Я закричал, что «Русский народ никогда ни перед кем на коленях не стоял, даже перед фашистами!». Вышли в коридор, принял валерьянки, закурил. Походил, успокоился. Зашел обратно. И попросил извинение за свою может нетактичность. А может справедливость. Находясь 40 лет на свободе, можно было свой характер изменить, но эти 11 лет пребывания — характер стал никудышный. Стараюсь держать себя в руках. Но за несправедливость получается взрыв. Никак не могу изменить, никак не получается.

Вот сейчас в Савиных предложили операцию глаз от слепоты. Дали направление. Должен пройти анализы. И лечь в больницу. Я не боюсь, что будут оперировать. Но бывают неудачные — вот один из узников ГУЛАГа знакомый ослеп совсем. Может получится непредсказуемое. Вот сделают операцию и я ослепну. Могу бог знает что наделать врачам — непредсказуемый характер после 11 лет отсидки. И вот страх — идти или не идти.

Еще хочу сказать, что у меня в городе Вихоревка Братского района Иркутской области, где находился Озерлаг, осталось два закадычных друга — это Пасечников Василий и Чеусов Всеволод. С которыми я постоянно переписываюсь и держим связь. Хочу сказать несколько слов о Севе Чеусове. Это длинная история. Как всем известно. В 32 году японцы оккупировали Маньчжурию. И там находился Сева Чеусов. Это сын казака, который участвовал в казачьем хоре, находящегося заруежом. Они выступали в Америке, ездили по другим иностранным государствам, там выступали с успехом. А Севу этого он поселил у близких знакомых в Харбине, где он учился, получил среднее образование. И впоследствии во время оккупации японцами Маньчжурии, они русских эмигрантов молодежь привлекали в японский университет Кен Когу. Где преподавали только все на японском языке. Это вуз. Для чего он был создан. Японцы готовились так сказать войной с Россией вместе с Гитлером. Они ждали, когда Гитлер оккупирует Москву и они бы двинулись с мощной подготовленной квантунской армией на Дальний восток и вплоть до Урала. Вот такие мечты были. А для чего был создан университет — им нужны были с высшим образованием, со знанием японского языка люди. Оккупировав эту часть России, они бы создали здесь марионеточное правительство — как в Маньчжурии — Маньчжу-го. И с детства воспитывавшихся китайчонок — он вырос, дали ему образование и он стал императором Маньчжу-го. К нему был приставлен советник, и этот советник, поднося документы, и он безоговорочно ставил именную печать. И в любом учреждении Маньчжу-го — директор или начальник китаец, а заместитель японец и то, что скажет японец — обязан сделать безоговорочно начальник. Такое и у нас хотели создать в Сибири. И поэтому люди, окончившие университет, в совершенстве знающие японский в совершенстве, они бы были министрами. Заместителями у них были бы японцы, которым бы те безоговорочно подчинялись. Но слава богу этого не случилось. (без продолжения)